

• ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА •
«СТРАСТИ ПО ОЛЕГУ РОЮ»

МАРИНА ПОЛЕТИКА

За кулисами
любви

Марина Полетика

За кулисами любви

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091615

Полетика М. За кулисами любви: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55506-2

Аннотация

Тот, кто однажды глотнул закулисной пыли, ни на что не променяет профессию актера. Лера была реалисткой и понимала – не могут все выпускники театральных вузов стать звездами, а потому пыталась жить в предлагаемых обстоятельствах. Нет работы в театре – найдем другую. Развелась с мужем – что ж, будем с ним просто дружить.

Когда она встретила в поезде незнакомца, который ей понравился, то решила, что и здесь пойдет привычным путем – станет жить в заданных обстоятельствах и не просить у судьбы ничего сверх отпущенного. Но незнакомец актером не был и привык не принимать обстоятельства, а изменять их...

Марина Полетика

За кулисами любви

Ученые выяснили, что если намазывать масло на хлеб под определенным углом, быстро и с нажатием, то хлеб изменяет свою форму и становится вогнутым, и во время падения эта форма не позволяет бутерброду перевернуться.
Из газет

Человек стоял на обочине, пошатываясь и с трудом удерживая равновесие. Он был не пьян, но почему-то не помнил, как здесь очутился. Подступавший к дороге голый осенний лес был черным и страшным. Совсем низко, едва не задевая макушки сосен, с ревом пронесся самолет – огромная махина, – и от наступившей опять тишины стало еще страшнее. Если его не подберут, он, пожалуй, замерзнет. Но вот наконец крошечную тьму прорезал желтый свет фар приближающейся машины. Человек, покачнувшись, неуверенно шагнул вперед. Машина на большой скорости выскочила из-за поворота, и дальний свет ослепил его. Он только понял по звуку мотора, что автомобиль – легковой и хорошей марки. Звук приближался, и человек на обочине поднял руку, другой рукой прикрывая глаза от режущего света. Его должны подобрать, спасти, привезти в город, в тепло, к людям, а там уж он разберется, что с ним произошло, и не в таких бывали

переделках... От страшного удара он отлетел далеко на обочину, и свет наконец, в последний раз взорвавшись у него в голове ослепительным шаром, перестал резать глаза. Машина, затормозив, вернулась задним ходом, съехала на обочину. Погасли стоп-сигналы, водитель выключил фары, и машина стала невидимой в темноте – впрочем, шоссе было пусто. Водитель остался на месте, а пассажир вышел, постоял, оглядываясь, – шоссе было пусто. Вполголоса выругался (снег попал ему в ботинки), подошел к лежавшему на обочине. Включил зажигалку, посмотрел ему в лицо.

– Все, порядок. Поехали, – скомандовал он, возвращаясь в салон и ежась от приятного тепла.

– Ты проверил? – поворачивая ключ в замке зажигания, спросил водитель.

– Не учи ученого! Снегу начерпал, черт... Ты сам смотри, чтоб отпечатков не было.

– Отпечатков? Я в перчатках, – ответил водитель, и они оба посмеялись нечаянно возникшей рифме. – А следы?

– Да какие, к черту, следы! Смотри, как метет. Такого октября не упомню. И лета вроде не было.

Машина бесшумно съехала с обочины и, набирая скорость, помчалась в сторону аэропорта.

За три месяца до происшествия

Лера сидела в «шестерке», припаркованной у входа в загс, и чихала. Чихала неудержимо и остервенело, очередями из

трех чихов с интервалом примерно в минуту. В зеркало заднего вида она могла наблюдать свой распухший нос и слезящиеся глазки-щелочки. Виновник этого безобразия – здоровенный черный котяра в ошейнике со стразами от Сваровски – мирно дремал на заднем сиденье.

– Чтоб ты провалился! – от души пожелала Лера, но зверюга и ухом не повел. «Ты меня сюда притащила, – было ясно написано на его толстой сонной физиономии. – Я тебя об этом не просил. Меня сегодня вообще еще не кормили, а время обеденное. Ох, доберется до тебя моя хозяйка, она тебе покажет, как надо обращаться с порядочным котом...» Чтобы еще полнее выразить свое презрение, кот вытянулся во всю длину сиденья, зевнул, высунув острый розовый язычок, и, не открывая глаз, снова свернулся бубликом. От этих перемещений клубка кошачьей шерсти в ограниченном пространстве Лера зачихала еще ожесточеннее, почти без интервалов. Сколько она себя помнила, у нее начинало свербеть в носу при слове «кошка», а если милая зверюшка проходила в непосредственной близости от нее, аллергия немедленно расцветала пышным цветом. С этим зверем она провела бок о бок уже полдня, и даже горсть таблеток не спасла положение.

Ну когда же, черт возьми, появятся те, кого она ждет? Они ведь уже почти опаздывают! Неужели передумали после всего, что было? Нет, вряд ли... Хоть бы Макс не прозевал, тогда все мучения псу... то есть коту, под хвост. Лера осто-

рожно выглянула из приоткрытого окна. Вообще открывавшаяся ее взору картина была довольно милой, и при других обстоятельствах Лера непременно была бы тронута. Две зефирные невесты в волнах белых кружев волновались у крылечка, создавая вокруг себя красивые завихрения тополиного пуха, украдкой бросали друг на друга ревнивые взгляды. Подружки без устали поддегивали им сползающие корсажи, разглаживали несуществующие складки на пышных юбках, без нужды поправляли фату и флердоранж, им доставляло огромное удовольствие суетиться без нужды на столь ответственном для любой женщины мероприятии. Женихи, с утра уже подвыпившие для храбрости, обреченно потели в новеньких костюмах, время от времени указательным пальцем оттягивая бабочку на шее и жадно глотая воздух. Гости напряженно беседовали, пока еще строго делясь на «наших» и «не наших», исподтишка пересчитывая, кого больше и кто, стало быть, больше съест.

Двери загса распахнулись, и под звуки музыки щупленький жених с трудом вынес на руках свою благоверную – если бы им предстоял боксерский поединок, гуманные судьи ни за что не выпустили бы их в одной весовой категории. Но Лера новоиспеченного супруга не пожалела: взялся за гуж – тяни и помалкивай, будь любезен. Мне бы твои проблемы. Группа поддержки невесты, стоявшей ближе к крыльцу, заволновалась, ее жениха подтолкнули поближе, рядом построились свидетели. Но вышедшие освободить крылечко не спешили.

ли: продуманно распределившись по ступенькам под руководством фотографа, они дружно орали «чи-и-из!» и махали шариками, цветами и бокалами с шампанским. Ожидаящие, не разделяя их восторгов, нервно напирали, высунувшаяся из окна Лера на свежем воздухе стала чихать реже и с интересом следила за развитием ситуации. В это время на стоянку влетела украшенная пупсами и бантиками белая «Волга», за ней – «Газель» с двумя полусдувшимися воздушными шариками, привязанными к дворникам. Из «Волги» выскочил жених, засуетился, выгружая свою избранницу, из «Газели» горохом посыпались гости.

И тут же в наушнике у Леры раздался звонок.

– Лера, приехали!

– Да вижу! Иду! Макс, я тебя умоляю – ты его лови! У него родословная длиннее, чем у нас с тобой, вместе взятых. Нам за него не расплатиться, если что.

Бормоча последние указания, Лера схватила кота за шкурку, с трудом перетащила вперед и затолкала в сумку, которая стояла раскрытой на водительском месте. Кот от неожиданности и возмущения не сопротивлялся, только кряхтел, когда Лера упикивала его поглубже, чтобы застегнуть молнию. Поверх сумки бросила букет и выбралась из машины, едва волоча тяжелую поклажу. Проклятый котяра весил килограммов пятнадцать. Улыбаясь во все стороны и бормоча извинения, Лера проталкивалась к крыльцу, делая вид, что сумка совершенно невесома. Но, к счастью, на нее

никто не обращал внимания, потому что вновь прибывшие громко и безуспешно доказывали уже давно ожидавшим у дверей загса, что сейчас – их очередь, просто они немного опоздали.

– Опоздали, и все! – кричали им в ответ. – Мы уже час тут стоим, думать надо было!

Как назло, щупленький новобрачный и его внушительная супруга, вдоволь попозировав перед фотокамерой, двинулись вниз, увлекая за собой сопровождающих, и сложившаяся вокруг крылечка ситуация грозила перерасти в Ходынку. Но тут из двери выглянула замотанная женщина с лентой через плечо и закричала:

– Граждане брачующиеся!

Ее никто не услышал.

– Ти-их-ха! – зычно прокричала представительница регистрирующего органа, и толпа изумленно стихла.

– Ряшенцев – Галузкина есть или передумали?

– Мы, мы!!! Мы тут! – замахали руками прибывшие на «Волге» и «Газели», как будто все они до единого были Ряшенцевыми или Галузкиными.

– Ну так заходите! – рассерженно скомандовала женщина. – То всем на июль подавай, не продохнешь, то не являются. С ума с вами сойдешь.

Лавируя между попутным и встречным потоками, Лера в первых рядах пробралась в «предбанник» и встала справа от белых в позолоте дверей, пока закрытых, сумку приткнула у

стенки, чтоб не мешалась. В другом углу комнаты она увидела Макса, который кивнул ей ободряюще. «Господи, всегда волнуюсь, как в первый раз», – подумала Лера, и тут же с изумлением поняла, что она не чихает! В это время «гражданине брачующиеся», а также взволнованные представители Ряшенцевых и Галузкиных под руководством тетеньки-распорядительницы построились положенным порядком – в линеечку. Лера еще раз окинула взором жениха – боже мой, из-за чего только бабы с ума сходят... На невесту она старалась не смотреть, чтобы не отвлекаться. Тетенька, отдав последние распоряжения, приготовилась торжественно распахнуть створки дверей, и уже раздались первые аккорды марша Мендельсона...

...И тогда Лера, присев возле сумки, выпустила своего пленника. Разъяренный и напуганный котyra пулей пронесся по узкому свободному коридору, образованному стройной шеренгой из жениха, невесты и свидетелей – и позолоченными дверями в рай, за которыми гремела музыка, сиял хрусталь люстры, лучезарно улыбалась неузнаваемо преобразившаяся загсовская фея. Поднялся шум, невеста завизжала, жених монотонно произносил одно и то же слово, которое вряд ли стоит здесь воспроизводить целиком, ничего не понимающие гости топтались друг у друга на ногах и толкались локтями. Извиняясь и покаянно причитая, Лера схватила сумку, выбралась из помещения, краем глаза заметив, как Макс бросился под ноги тоже завизжавшей теще жениха

и поймал кота. К машине они подбежали вместе, впрочем, за ними никто и не гнался. Макс с трудом отодрал от себя шипящего кота и швырнул его на заднее сиденье. Но когда их машина уже выруливала со стоянки, Лера успела заметить, как из дверей выскочила невеста, и, высоко задрав мешавший ей обруч юбки, так, что видны были наивные белые гольфы, помчалась вон со двора. За ней, с большим, правда, отставанием, бежал жених, так и не обретший официального статуса супруга, а за женихом – фотограф.

– А счастье было так возможно... – философски заметила Лера. И трижды чихнула.

– Лер, куда едем?

– Давай в театр. Я умру, если не избавлюсь от этого оборота. А мне еще вечером на работу.

– Я знаю, – посочувствовал Макс. – Мне тоже, так что увидимся.

– Что значит – тебе тоже? – вскинулась Лера. – Мы сегодня с Олегом работаем, ты ничего не перепутал?

– Нет... – Макс замялся. – У него сегодня у жены день рождения, попросил меня подменить.

– Та-ак, – зловеще протянула Лера. – А почему я об этом узнаю последней?

– Так вот я вам и говорю, – уловив новые интонации в ее голосе, Макс на всякий случай перешел на вы.

– Золотой мальчик! И что мне делать теперь?

– А я все знаю, он мне все-все объяснил, я буду строго по

сценарию.

– Еще одна такая выходка, – отчеканила Лера, – и он вылетит с работы, опережая собственный визг. Так ему и передай. Это вам не шарашкина контора и не районный театр. На его место желающие найдутся, а я рисковать не хочу. Ваше счастье, что я завтра уезжаю, и мне не до вас, а то бы... – Лера подумала и сменила гнев на милость. – Ладно, ты хоть на машине, потом меня домой отвезешь. Я уже сейчас никакая, а к ночи и вовсе с ног упаду.

– Об чем речь! Разве я могу тебе отказать? – воспрянул духом Макс.

– Спасибо! – Лера даже одарила Макса неким подобием улыбки. Теперь точно отвезет.

Выждав паузу между чиханием, набрала номер телефона, дождалась, когда на том конце снимут трубку, и проговорила:

– Все прошло отлично, даже лучше, чем я думала, вы оказались правы. Фотографии вам покажут завтра. Да, конечно. Приходите, если будет необходимость, вместе подумаем. Всего доброго!

Машина остановилась возле служебного входа в театр кукол.

– Тебя подождать? – предложил Макс.

– Нет, спасибо. Мне посоветоваться надо, я задержусь, – из-под совершенно мокрого носового платка, уже четвертого

или пятого по счету, пропищала Лера.

– Ну, смотри. Я тогда в аптеку заеду, зеленки, что ли, куплю. Оцарапал, скотина! – покосился Макс на обморочно свисающего с заднего сиденья кота.

– Да ладно тебе! – заступилась Лера. – Зато он все сделал отлично, и, заметь, без репетиций. Все бы так работали.

Схватив кота в охапку – тот только обреченно мявкнул, – Лера прошла мимо вахтерши, даже не поздоровавшись, а лишь кивнув в промежутке между чихами. В театре ее знали, обычно она всегда болтала с вахтершей, но тут у нее хватило сил только вопросительно поднять брови.

– В зале, в зале, – замахала рукой вахтерша. – В малом зале репетируют.

При других обстоятельствах Лера никогда не позволила бы себе прервать репетицию. Она прекрасно знала, что Андрей не терпит посторонних в зале, а свои, если уж желают полюбопытствовать, должны являться к началу и сидеть до конца репетиции, любые передвижения по залу запрещены. Но и терпеть она больше не могла. С трудом забравшись на второй этаж, Лера отодвинула тяжелую портьеру и, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь. Старания ее пропали понапрасну, потому что, едва войдя в полутемный крошечный зал, она принялась чихать и чихала до тех пор, пока не услышала усиленный микрофоном голос:

– Стоп, стоп! Всем спасибо! На сегодня все, завтра начнем со второй картины, все слышали? Прогон со светом! И

прошу никого не опаздывать!

Вспыхнул свет. Лера увидела Андрея, который шел к ней по проходу между сценой и первым рядом кресел. Со сцены кто-то сказал Лере «привет!», кто-то – «будьте здоровы», кто-то имел нахальство рассмеяться. Лере было все равно. Она сунула Андрею кота и упала в ближайшее кресло. Настрадавшийся кот тряпкой повис на Андрее, обнимая его лапами за шею, как ребенок.

– Андрюш, возьми ты его, бога ради. Унеси куда-нибудь. Когда хозяйка-то вернется? Доложат, поди, что я кота брала. Попадет тебе.

– Пойдем, в мою рубашку переоденешься. И умоешься, а то так и будешь чихать до ночи. Элла Леонидовна приедет во вторник. Доложат непременно, как иначе? Но с меня какой спрос, я ее предупреждал, а кота все равно никто, кроме меня, не брал, так что у нее выбора не было. И потом, я все на тебя свалю. Скажу, ты его возила к парикмахеру колтуны вычесывать. Сойдет? Пошли.

– Я с ним, – Лера показала на кота, – больше никуда не пойду. Я сейчас умру, – и чихнула.

– От этого не умирают, – Андрей передал кота подошедшей женщине, которая запела что-то вроде «котенька мой бедненький, котенька мой маленький, вот приедет Эллочка...». Леру передернуло. – Что, кроме тебя, некому было? Ты же вроде такими мелочами не занимаешься?

– Ну, лето, сам понимаешь. Отпуска.

– Нет, я – не понимаю. И понимать не хочу.

– Да ладно, Андрюш. Каждый делает то, что умеет. Вот ты талантливый, а я нет. Ты ведь меня на работу не возьмешь? Приходится выживать.

– Выживают на нашу зарплату, а на твою – живут.

Привычно препираясь по давно обсужденному вопросу, Лера и Андрей поднялись в гримерку. Лера, предоставив Андрею ворчать, с наслаждением умылась и достала из шкафа его чистую рубашу, которая была ей почти впору.

– Как думаешь – что сначала: сигарету, таблетку или кофе? – с сомнением спросила она у Андрея.

Махнув рукой, он подал ей чистый носовой платок и ушел в дальний угол комнаты заваривать кофе. Когда он вернулся с кружкой, Лера лежала на продавленном диванчике, подвернув под себя одну босую ногу, и с наслаждением курила.

– Неплохо, – оценил он мизансцену. – Картина «Жозефина Бонапарт на оттоманке», не помню, чьей кисти. Она там вся в белом.

– Да? – порадовалась Лера.

– Если бы еще не чихала.

– Я сейчас перестану. Мне с тобой поговорить надо.

– Насчет Сашки? – забеспокоился Андрей.

– Нет, что ты, с Сашкой все в порядке, я бы тебе позвонила, если что. Там за ним Ольга Сергеевна присмотрит, ты же знаешь, как она к нему относится. Мне надо...

– Что, опять?!

– Ну, Андрюш... пожалуйста! Иначе мне придется этому мужику другую встречу назначать, все согласовывать. А так я бы завтра на поезд – и в Питер! У Сашки в понедельник первый экзамен. Он меня встретит, и вместе в университет поедem.

– Тебя не пустят. Когда экзамены – не пускают.

– Я под дверью посижу.

– Ты посидишь! Умчишься опять на Дворцовую, не доищешься!

– Клянусь, буду на лавочке сидеть! Все-таки парень в политехнический поступает. Еще президентом будет, а я буду интервью раздавать в заграничной прессе.

– Да боже упаси. Хороший парень вырос, не в дураков-родителей.

– Ладно уж, не наговаривай! Я же проучилась год на физтехе. И чем уж мы с тобой так плохи?

– Она еще спрашивает.

– Да хватит тебе, Андрей, – вдруг устало попросила Лера, и он сразу сменил тон.

– Ну ладно. Что там с мужиком? Только четко.

– Никакого криминала.

– Надеюсь. Я не об этом. Что за мужик? – Андрей закурил, пододвинул себе вторую пепельницу, листок бумаги и ручку – приготовился работать.

Лера почувствовала, как ее захлестывает волна нежности и благодарности, ведь она прекрасно знала, как Андрей от-

носится к ее, как он их называл, «мероприятиям», у него был совершенно иной взгляд на вещи. Но если Лера просила о помощи, он, поворчав, бросал свои дела и сначала нехотя, а потом увлекаясь, раскладывал все по полочкам, и без Андрея она, наверное, не справилась бы. Поэтому она, поколебавшись, спросила все же совсем не о том, о чем собиралась спросить.

– Да мужик как мужик. Обыкновенный. Бабник. Кстати, женатый. Так что я, можно сказать, помогаю сохранить семью. Скажи, что мне надеть. Ну, что тебе больше нравится?

– Дай подумать. Ты у нас теперь какая? Рыжая. Тогда мне нравится та желтая туника с коричневой тряпочкой сверху, в которой ты была на премьере.

– Тряпочка! – фыркнула Лера. – Ты знаешь, сколько она стоит?

– Ты у нас девушка состоятельная. И со вкусом. Надевай желтое. Но спросить ты хотела не об этом.

«Как всегда», – вздохнув про себя, подумала Лера. С ним увиливать бесполезно. И ближайшие полчаса она задавала вопросы и слушала, а Андрей смеялся, потом становился серьезным, что-то черкал на бумажке и даже рисовал схемы. Кто-то дважды заглядывал в гримерку, но Андрей протестующе махал рукой, и дверь снова закрывалась.

Уже уходя, Лера обернулась в дверях и, смеясь, сообщила:
– А знаешь, Андрюш, что во всей этой истории с котом самое удивительное? Что когда я в самый ответственный мо-

мент доставала его из сумки, я не чихала!

– Ну, что ты хочешь, ты же актриса, а у нашего брата на сцене все болячки проходят.

«Да уж, актриса», – плюхнувшись на сиденье трамвая, покачала головой Лера. Хотя она до мелочей помнила тот день, когда решила стать актрисой, – второе ноября 1987 года. В тот день студентам 101-й группы физтеха выдали стипендию, а в городе выпал первый снег. Лера поняла, что положение стало безвыходным, и отправилась по магазинам в поисках приличного головного убора, потому что ходить в том кроличьем безобразии, которое мама купила ей еще в восьмом классе и с тех пор упорно и безосновательно называла шапкой, в новых условиях было совершенно невозможно. Без толку прослонявшись по магазинам, честно отражавшим состояние дел в отечественной легкой промышленности, она поняла, что в ближайшую зиму ей придется передвигаться на морозе короткими перебежками, прикрывая уши варежками. Уставшая и разочарованная, Лера в конце концов набрела на отдел париков. Наверное, это был единственный в стране отдел, торговавший импортными товарами, где толпы покупательниц не сметали все через полчаса после открытия. Женщины подолгу рассматривали товар, хихикали, робко просили примерить, неумело пристраивали на голову и сконфуженно возвращали равнодушной усталой продавщице, которая заранее знала, что и в этом месяце останется

без премии, хотя вины ее в этом нет никакой.

Лера решила примерить белокурое сооружение а-ля тогда еще малоизвестная у нас Мэрилин Монро, потому что в глубине души, как и всякая пухленькая девушка с волосами никакого цвета, мечтала быть стройной длинноногой блондинкой. Продавщица с кислой и безнадёжной миной сунула ей парик и без интереса наблюдала, как Лера вертит его в руках. «Уж ты-то, голубушка, его точно не купишь, куда тебе, фасоном не вышла. Ходят тут...» – было написано на ее лице. И Лера завелась, она знала за собой такое качество – легко поддавалась на подначки, но зато на спор могла совершить то, что при других обстоятельствах казалось непосильным. Она прошла в примерочную, тщательно задернула шторку, сняла тяжеленную дубленку и даже закатала до локтя рукава свитера, как будто собиралась с кем-то бороться. Подкрасила глаза, попудрила нос (она всегда носила косметичку с собой, потому что вечно просыпала по утрам и красилась в туалете на первой перемене между парами), пристально посмотрела в глаза своему отражению – и надела парик. Когда она вышла из примерочной, выпрямив спину и легко потряхнув своими новыми волосами, бродившие по отделу женщины обернулись – и Лера с замирающим сердцем увидела, как меняется выражение их глаз от лениво-любопытного до изумленно-восторженного. Лера поняла, что, примерив на себя чужой облик и чужой образ, она сама стала другой. На минуту она стала той женщиной, которой виделась себе в мечтах.

Чертов восхитительный парик стоил умопомрачительную сумму – три стипендии и еще половинку. Попросив отложить парик «на часик» («Да хоть до вечера», – обрадованно покивала выведенная из сомнамбулического состояния продавщица), Лера развернула бурную деятельность. Забежав домой, раскурочила копилку, куда складывала деньги «на восемнадцатилетие» – до него было еще два месяца, потом метнулась в общагу и обобрала однокурсников. Домой она вернулась под вечер, безумно счастливая и совершенно не уставшая.

– Вам кого? – вежливо спросил открывший дверь отец. А мамино лицо выражало изумление, которое не помещалось на отведенной для него площади и создавало почти ощутимую ауру.

– Валерия, что это такое?! – обрета дар речи, обморочным голосом вопрошала мама. – Как тебе в голову пришло?! Неужели ты будешь ходить в этом позорище?! А если знакомые увидят?

– Ну, дочь, ты дала дрозда! – смеялся отец.

– Это вместо шапки, – оправдывалась Лера. – В нем знаете, как тепло! И снимать не надо. А знакомые меня не узнают, мамочка!

И ее действительно не узнавали, когда она была в парике. Лера в парике по-другому ходила, говорила, двигалась, она была раскованнее и смелее, она даже думала по-другому. Когда ей вслед оборачивались мужчины, она легко и мимо-

летно улыбалась им в ответ, а обычная Лера непременно бы сконфузилась и сделала вид, что вовсе ничего и не заметила. Хотя обычной Лере вслед никто и не оглядывался. Однокурсники преображением Леры были потрясены. Вчерашние школьники, они впервые столкнулись с коварным женским искусством выдавать желаемое за действительное, и первый урок оказался наглядным. Леру враз перестали считать своим парнем и здороваться с ней за руку, зато начали придерживать перед ней дверь и приглашать на свидания.

Одна беда – парик надо было время от времени мыть и завивать, к утру он высыхал, но Лере некогда было раскручивать бигуди и расчесывать, потому что вставать вовремя она так и не научилась. Да и на физкультуре скакать в парике глупо – а глупой Лера никогда не была. В такие дни она надевала вязаную шапочку – и наслаждалась своей незаметностью, которая была уже не привычкой, а игрой. Благодаря произведению польских постижеров Лера научилась быть разной. Теперь ей было достаточно толстого вязаного шарфа или брошки на блузке с воротничком под горлышко, чтобы час-другой пожить жизнью придуманной женщины: резкой, деловой, романтической, строгой, слабой, обыкновенной, экстравагантной – любой.

– Ну, Лера, ты актриса! – восхищался отец.

И накаркал, как выразилась мама позднее, узнав, что дочь, кое-как сдав летнюю сессию, забрала документы из УПИ и отнесла в только что открывшийся в городе театральный ин-

ститут.

– Милая моя, не с вашей фактурой поступать в театральный, – уговаривал едва не плачущую Леру педагог, набиравший курс. На него, в отличие от Лериных родственников и однокурсников, ее парик и повадки сногсшибательной блондинки не произвели ни малейшего впечатления. – Вы не героиня, при вашем росте ваше амплуа – инженерю, но фигура, извините, не позволяет. Вы же учитесь в хорошем вузе, дай бог каждому. А мы вас примем, пять лет потратим, вы работу нигде не найдете и будете нас обвинять, что вовремя не отговорили.

– Не буду! – чуть не заревела Лера. Но собрала остатки мужества и предложила: – А давайте я похудею! Пока вы документы принимаете, потом три тура, да еще экзамены... Я похудею, правда!

Заслуженный артист пожал плечами – он и сам мог заплакать при необходимости скупой мужской или любым другим видом слезы, но слез настоящих не переносил, начинал нервничать. Да черт с ней, с этой девчонкой, может, на вступительных завалят, пусть себе поступает. Придя на первый тур, Лера как сквозь строй пробиравлась сквозь ряды красоток – годы спустя она не могла без смеха смотреть американский телесериал «Спасатели Малибу», очень уж сотрудницы тамошней службы спасения на водах напоминали ей девиц, толкавшихся в коридорах театрального института в

количестве двадцати семи на одно место. Лера работала на контрасте, играла в страшненькую интеллектуалку, по незнанию страшно переигрывая по обоим пунктам. Басню «Мартышка и очки» она читала от лица обманутой и несчастной мартышки, у которой злые люди отняли последнюю надежду на лучшую жизнь, тогда как прочие девицы неискренне обличали попрыгунью-стрекозу. Потом все читали отрывок из «Алых парусов» или монолог Джульетты, а Лера – вторую главу из «Каштанки». Две страницы мелким шрифтом, но ее не останавливали. Наверное, от голода – Лера почти ничего не ела после знаменательной беседы с педагогом, перейдя на воду и яблоки, к великому ужасу мамы, – страдания голодной собачонки и ее восторг от сытного ужина с хлебом, зеленой корочкой сыра, кусочком мяса и половиной пирожка она передала невероятно убедительно. «У девочки собачья органика, – потрясенно произнесла пожилая актриса, – но фактура, фактура...»

Насчет Каштанки Лера сама не додумалась бы. Нет, конечно, на Ассоль она бы не замахнулась, хотя Катериной из «Грозы», вполне возможно, комиссию бы посмешила. Но на консультации перед первым туром к ней подошел невзрачный мальчик, щупленький и вровень с ней ростом, серьезно, как будто ему до этого было дело, поинтересовался:

– Ты что будешь читать?

– «Любите ли вы театр» Белинского? Знаешь? – ответила Лера, гордясь своей оригинальностью.

– Это который Доронина читала в «Старшей сестре»? – удивился мальчик.

– Ну... да. А что?

– Ты не Доронина, – серьезно сказал мальчик.

– А что, нельзя, что ли? Белинский не для нее писал.

– Можно. Но тогда надо читать лучше нее. А ты не сможешь, – и уточнил, – пока не сможешь.

– А что читать? – растерянno спросила Лера, которая почему-то сразу поверила странному мальчику, признала за ним право ее учить – что с ней случалось крайне редко.

– «Каштанку» до завтра выучишь?

Мальчик, которого звали Андрей Хохлов, оказался прав. Страданиями нелепой собачонки комиссия прониклась, да и фактура у исполнительницы была уже не та. К началу второго тура Лера сбросила восемь килограммов (два размера!) и покорила комиссию блестящим исполнением этюда на память физических действий – она просто изобразила, как в начале минувшей зимы покупала парик. Ей даже похлопали. На третьем туре Лера села к пианино (спасибо маме, пинками загонявшей дочь в музыкальную школу), а Андрей с тем же вдумчивым выражением лица неповторимо исполнил арию Чебурашки, после чего руководитель курса лично проследил за тем, чтобы «эту парочку» по недосмотру не завалили на сочинении. Таким образом, оставив двадцать шесть красавиц озадаченно хлопать длинными ресницами, Лера не без помощи Андрея заняла то единственное место, на кото-

рое они все претендовали. Когда начался учебный год, всегда пухленькая Лера весила пятьдесят килограммов и больше не переступала этой границы. Педагог, Вячеслав Иванович, не чаял в ней души, в глаза и за глаза повторяя:

– Вот вы все красивые, но дуры. А Лерка некрасивая – но умница. Поэтому попомните мое слово: вы все будете в театре играть, а Крылова – никогда. Умные в нашем деле не держатся. Это работе только мешает.

Вячеслав Иванович знал, что говорил: после окончания института в театре Лера не работала ни дня. Тогда мало кому платили вовремя зарплату, в театре и подавно. А у Леры на руках был трехлетний Сашка. Александр Андреевич Хохлов. Когда девятнадцатилетняя Лера сообщила родителям, что выходит замуж и ждет ребенка, мама только обреченно вздохнула, а папа потребовал:

– Нет уж, хоть вы актеры, и у вас все не как у людей, но пусть придет твой... как его... и сделает предложение. Как положено.

В ближайшее воскресенье робеющий Андрей был принят официально: папа надел мундир с тремя большими звездочками на погонах, мама постелила на стол белую крахмальную скатерть «для гостей». Все, кроме Леры, ужасно волновались. Выбравшись из-за стола и вцепившись для храбрости в спинку стула, Андрей произнес речь:

– Уважаемые Владимир Николаевич и Нина Алексан-

дровна! Я прошу руки вашей дочери, обещаю ее любить и никогда не обижать...

— Я тебя сама обижу! — расхохоталась Лера, и дальше все пошло своим чередом.

В декретный отпуск Лера не уходила, и диплом они получали вместе с Андреем. Но садики тогда уже начали закрывать, на взятки у них денег не было, поэтому Сашку перепихивали с рук на руки, и, бывало, за день он успевал побывать и на лекциях в аудитории, и за кулисами учебного театра, и у дедушки на военной кафедре, и у бабушки в бухгалтерии. Везде ему одинаково нравилось, он легко ладил с людьми, рано начал говорить и вообще рос страшно самостоятельным, видно, постигнув на собственном опыте, что у семи нянек дитя рискует остаться без глаза, если само не позаботится о своей безопасности. Его отдали в школу в шесть лет продленки ради, потому что умаялись пасти его по очереди, и он быстро научился, не делая уроков, каким-то образом получать твердые тройки, изредка разбавленные четверками. Он ладил с одноклассниками и учителями, не дрался и не бил стекол, и Леру ни разу не вызывали в школу, за что она Сашке была очень признательна. Он умел по-взрослому рассуждать и всегда улавливал суть проблемы. Когда Лера, запинаясь и с трудом подбирая слова, сообщила четырехлетнему Сашке, что они с папой «наверно, будут жить в разных домах, так всем будет лучше», сын солидно кивнул и спросил: «Папа же все равно живет в театре, баба так всегда го-

ворит. Мы будем ходить друг к другу в гости?» Больше всего он, естественно, любил ходить в гости к папе. Андрей еще студентом пришел работать в кукольный театр и год спустя был занят едва ли не во всех спектаклях. Легко и быстро он научился делать кукол, и они выходили у него какие-то совершенно необыкновенные – маленькие, хрупкие, грустные марионетки, до смешного похожие на своего создателя. Лет до десяти Сашка искренне считал папу волшебником.

Но жить с волшебником Лере оказалось не под силу. Для Андрея воистину весь мир был театром, а то, что в границы этого мира не вмещалось, переставало для него существовать, становилось неважным и нереальным. Он жил своими идеями, своими куклами, своими спектаклями. Уже первый его спектакль, где Андрей был драматургом, режиссером и художником, вызвал почти скандал в театральных кругах. Вечное противостояние Волка и Зайца он увидел слишком уж, по мнению критиков, нестандартно. Волк и Лиса по ходу спектакля все время увеличивались в размерах, зло приобретало угрожающие масштабы, а представитель светлых сил, Зайка, как был, так и оставался маленьким, трогательным и беспомощным. Свой шанс на победу Зайка не использовал, потому что способ этот показался ему не вполне честным по отношению к противнику, и от борьбы уклонился. Зло не то чтобы торжествовало, оно было неуместной Зайкиной порядочностью озадачено, но главный герой, верный своим идеалам, упорно не желал противиться злу наси-

ем, погряз в самокопании и не выполнил сказочную миссию. Критики обозвали спектакль «театром детской скорби», завязалась дискуссия в прессе, Андрея ругали, ругали и театр, давший слишком много воли дебютанту. Андрей запил.

Но Лере было не до него. Она должна была зарабатывать деньги, потому что маму вытолкали на пенсию, папе полгода не платили зарплату, а жить на его военную пенсию вчетвером было унижительно. Лере повезло. Ее пригласили давать уроки сцендвижения участницам первого в истории конкурса красоты «Краса Урала». Тогда слова «мисс» еще стеснялись, в обиходе заменяя несолидным «мисски». Конкурс учредили ребята из бизнес-клуба «Глобал-Е», объединившего все новаторские для того времени направления: приватизированный ресторан, казино, стриптиз-бар. Девочки для работы нужны были постоянно, обучать по требуемым профессиям было как-то еще не с руки, вот светлые головы и придумали – конкурс красоты и модельное агентство. Девочки повалили валом, многих приводили за руку мамы и папы, а там уж распределялись согласно амбициям и возможностям: кто – на подиум или к шесту, кто – в крупье, кто – в любовницы к крутым мальчикам. «Ротация кадров» была будь здоров, и Лера занималась с новичками с утра до ночи, но и платили хорошо. Двух соучредителей клуба по очереди пристрелили, но к Лериной работе это не имело никакого отношения. Правда, иногда ей приходилось выполнять некоторые щекотливые поручения, о которых она предпочитала

теперь не вспоминать, но годы учебы в театралке, с ее принципиальной свободой нравов, научили ее не заикливаться на подобных мелочах. Ну, было и было, быльем поросло.

Андрей ревновал, переживал, пытался убедить жену в том, что ее призвание – искусство. Лера за словом в карман не лезла, и после очередной беседы на повышенных тонах Андрей действительно переехал от Лериных родителей, где они жили все годы учебы, в театр, где ему поставили раскладушку прямо в гримерке. Студенческий брак, заключенный, конечно же, по большой любви и на зыбкой почве полного единомыслия, распался сам собой, как и большинство студенческих браков. Лериного отца известие о разводе огорчило – Андрей ему нравился. А мама, со дня приобретения парика постоянно жившая в ожидании очередной дочкиной судьбоносной выходки, даже обрадовалась.

– Ты чего радуешься, мать? – подозрительно осведомился Владимир Николаевич.

– Я боялась, что она в Израиль уедет. А теперь все, разведенных там не жалуют.

– Ты с ума сошла, какой Израиль?! Она же русская!

– Русские и уезжают, – отрезала Нина Александровна. – Беляевы вшестером уехали в ноябре, а еврей у них только Ольгин отец, да и тот ей не родной, а отчим. С нашей станет.

Борис Михайлович, мужчина солидный во всех отноше-

ниях, прихлопнул у себя на щеке наглого городского комара, потом, немного подумав, запустил пятерню в негустые волосы и сильно дернул, тихо охнув от боли, хотя ему хотелось завыть в голос. Но выть было никак невозможно при всем желании. Уже два с лишним часа он дышал свежим воздухом на балконе. Он мог определить время с точностью до минуты, потому что в доме напротив размещался офис какой-то фирмы, которая то ли солидности ради, то ли для удовольствия прохожих вмонтировала в свою вывеску электронные часы. Когда Борис Михайлович вышел на балкон, часы показывали, он запомнил, 21 час 16 минут. Теперь отвратительные синие цифры бесстрастно сообщали, что до полуночи осталось восемь минут. Иногда, мигнув, табло выдавало дополнительную информацию – температура воздуха, скорость и направление ветра, атмосферное давление. Сейчас табло показывало 18 градусов. Еще час назад было 20, а ветер подул северный... «И это июль месяц», – с тоской подумал Борис Михайлович и потер босую озябшую ногу о другую, в носке, но не менее озябшую – пол на балконе был холодный, бетонный. Если присесть на корточки, становилось немного теплее, но быстро затекали ноги. Днем была жара, какое свинство! Мерзкое табло, будто издеваясь, понизило температуру еще на один градус, ноги и живот Бориса Михайловича немедленно покрылись пупырышками, и он едва не заплакал от жалости к себе. А что еще прикажете делать? Идиотом, придурком, старым козлом и прочими малоприятными эпи-

татами он себя уже взбадривал, это помогало лишь в первые полчаса балконного сидения. Потом перебирал родственников по материнской линии этой мерзавки и ее супруга, чтоб у него немедленно и навсегда все отсохло – но и это скромное развлечение ему быстро наскучило. В таком дурацком, унижительном и, главное, опасном положении он не был никогда в жизни. И Борис Михайлович снова запустил руку в свою несчастную шевелюру.

А как все хорошо начиналось неделю назад! Жена Катя (тут Борис Михайлович страдальчески сморщился и покрутил головой, как будто у него заболело ухо) попросила завезти ее коллеге какую-то папку, которую Катя должна была ей отдать, но забыла. А ему разве трудно? Завез. Подруга с красивым именем Лолита (на этом месте своих воспоминаний Борис Михайлович опять сморщился) собиралась на свидание и мучилась с утюгом, который, как назло, протекал, грозя испортить дивную белую юбку с алыми маками по подолу. А он не так воспитан, чтобы бросить женщину в беде. Поскольку чинить утюги он не умел, пришлось посадить Лолиту в машину и отвезти в ближайший магазин, где продавались утюги. Потом, естественно, домой... ну, и как-то так само собой получилось, что Лолита на свидание не пошла, и они провели чудесный вечер... Лола оказалась очень милой, умело кокетничала, с юмором рассказывала о муже, с которым как раз разводилась, – мало того, что он ревновал ее к каждому столбу, норовя устроить драку по поводу и без

повода (а он с первого класса этим... как его... кун-фу занимается), так теперь этот кунфуист потребовал в суде разделить пополам все имущество, включая годовую подписку на журнал «Бурда». Чтобы гость точнее представлял себе всю глубину падения скряги-муженька, Лола показала ему и сам журнал, и платья, которые она сшила по выкройкам из журнала, — походкой манекенщицы Лола прошла перед ним сначала в той самой юбке с маками, потом в чем-то розовом, потом в зеленом, а потом... Словом, домой Борис Михайлович вернулся хоть и с опозданием, но с кристально чистой совестью. И, между прочим, ничего такого не было, потому что Лола не из тех навязчивых дам, которые вешаются на шею первому попавшемуся мужчине. Таких Борис Михайлович не выносил. Женщина должна уметь флиртовать, должна позволить за собой поухаживать... хотя бы день или два.

Сегодня исполнилось ровно семь дней с момента их знакомства, и чрезмерно чистая совесть уже начинала тяготить Бориса Михайловича. В конце концов, им не шестнадцать лет, чтобы гулять по городу и сидеть в кофейнях, где к тому же запросто можно встретить знакомых. Екатеринбург — город маленький. Лола, в конце концов, свободная женщина, а он... Да, черт возьми, каждый мужчина имеет право налево! И когда Лола предложила ему отпраздновать наконец-то состоявшийся развод, Борис Михайлович сообщил жене, что день рождения шефа будут отмечать в строго мужской компании, поклялся вернуться домой вымытым и по возмож-

ности трезвым и в восемь вечера, как положено, с букетом цветов и бутылкой шампанского стоял у дверей Лолитиной квартиры.

Если бы он знал, о, если бы он знал!.. Он бы не нажал кнопку этого проклятого звонка, он бы на порог этой идиллической квартиры не ступил! Сидел бы с Катюшей дома, рассказывал бы ей всякие истории, в лицах изображая общих знакомых, а она смотрела бы влюбленными глазами и смеялась его шуткам, вытирая выступившие от смеха слезы. Она милая и непосредственная, как девочка, его Катюша. Потом она бы приготовила его любимое мясо с сыром, а он бы успел за это время сладко задремать в кресле под мирное бормотанье телевизора, вдыхая упоительный запах и предвкушая вкусный ужин, — что ни говори, а готовит Катюшка отменно! Потом они поужинали бы, болтая ни о чем и гадая, во сколько на этот раз явится домой дочь-студентка, выпили бы винца — он в последнее время перешел с коньячка на красное, Катюша сказала, что оно даже полезно для повышения гемоглобина в крови. А потом, ловя сладкий момент, пока дочери нет дома, они, как воришки, забрались бы в постель, возясь, подначивая друг друга и прислушиваясь, не щелкает ли дверной замок, хотя до полуночи можно было не беспокоиться. Он так любил свою спальню, которую жена устала милыми безделушками, а он настоял на большом, во всю стену, зеркале... Тогда Катя сказала, что с зеркалом и при свете она не будет, потому что стесняется, и ему очень нра-

вилось каждый раз ее переубеждать... и жену он тоже очень любил, а вот, поди ж ты...

Тут Борис Михайлович чуть не завыл волком. Идиот клинический! Придурок! Кобель хренов! Потянуло его на сторону, сколько раз зарекался, потому что потом больше хлопот, чем в процессе кайфа, и опять! Козел, одно слово, козел!!! «Господи, пронеси, и я больше никогда...» – забормотал было Борис Михайлович, но тут же устыдился просить Всевышнего вмешиваться в столь интимное дело. А может, плюнуть на все и сигануть с балкона? Третий этаж... Опять же, в трусах и в одном носке далеко не уйдешь. А поначалу вечер обещал быть томным: Лола была обворожительна в своем странном платье, ласкова и игрива, они выпили и даже немного потанцевали, точнее, покачались с ноги на ногу, обнявшись, под приятную музыку. Ее глаза, дразнящие и чуть испуганные, с расширившимися зрачками, такими темными, что в них ничего не отражалось, ее глаза были так близко... И Борис Михайлович ее поцеловал, но Лола мягко высвободилась из его нетерпеливых рук и, снова включив музыку, стала снимать по очереди одежду с себя и с него – вроде танец такой. Потом зазвонил телефон, но Лола сняла трубку и бросила ее рядом с базой на журнальный столик. Борис Михайлович, подтанцовывая по мере сил, замирал в сладостном предчувствии. Он еще успел подумать, под чутким Лолитиным руководством расставаясь с брюками, что такого красивого секса в его жизни, пожалуй, еще не было!

И в ту же секунду натренированным слухом он уловил металлический щелчок ключа в дверном замке.

Ужас в глазах Лолы говорил сам за себя. Она в панике заметалась по комнате, рассовывая по шкафам и книжным полкам тарелки, бутылки, цветы и его, Бориса Михайловича, одежду. Руки у нее тряслись, лицо побледнело.

– Господи, это он, муж... – прерывающимся голосом прошептала несостоявшаяся партнерша Бориса Михайловича по феерическому сексу. – Он сегодня в суде сказал, что от своей доли имущества отказывается, потому что меня любит, и мириться приедет, я думала, шутит... Какой ужас, он тебя убьет! Его в прошлом году чуть не посадили, пяти слов не успела сказать с новым соседом по гаражу, а он его... Я к соседу в больницу потом ездила, умоляла, чтобы он заявление из милиции забрал... Ой, что делать?!

Лолина паника передалась Борису Михайловичу, и он, рысью obeжав комнату в поисках убежища, находчиво нырнул в спасительную балконную дверь, которую Лола – молодец, не растерялась! – тут же закрыла изнутри на шпингалет и задернула портьеру. Так Борис Михайлович оказался на чужом балконе, в полном неведении относительно того, что происходит в комнате. Он, и в детстве никогда не дравшийся мамин и бабушкин сынок, все конфликты с одноклассниками решавший подкупом и компромиссом, всегда панически боялся физического воздействия. Теперь он боялся не только боли, но и морального унижения – как, его, господи-

на Щукина, уважаемого бизнесмена, члена местного отделения Ротари клуба, куда допускают далеко не каждого, застанут в трусах и одном носке на балконе у любовницы, позорно побьют и выставят на улицу! Да об этом завтра же напишут во всех местных газетенках! А этот чемпион хренов и убить может, что за радость, если его потом посадят. Нет, он готов терпеть не только холод и комаров, но и голод, если понадобится! Хотя напряжение его все же несколько отпустило – раз его не побили сразу, может быть, Лола и смогла каким-то образом выкрутиться, женщины вообще способны на многое. Например, рискнуть завести любовника при таком активном муже. Интересно, что они там делают? И если его даже не побьют, что он скажет Катюше по поводу комариных укусов, ведь в ту элитную сауну, куда он якобы отправился, комаров могли запустить только при желании клиента за отдельную плату – для экстрима. Вляпаться так позорно и непоправимо, как в дешевом анекдоте про мужа, жену и любовника, коих он знал прорву и всегда смеялся над незадачливым ходоком, – дурак, кретин... Мысли пошли по третьему кругу.

И тут балконная дверь, тихонько скрипнув, отошла в сторону, будто от сквозняка. Борис Михайлович испуганным зайцем метнулся в сторону – вот оно, начинается! Однако ничего не произошло. Набравшись смелости, он осторожно, прижимаясь спиной к стене, как делали герои в кино про милицию, заглянул в щель, потом на пару миллиметров ото-

двинул портьеру. У порога лежал лист бумаги, наспех выданный из тетрадки в клеточку, по нему торопливо бежали кривые буквы: «Увожу его в ресторан. Штаны под диваном. Дверь захлопни. Позвоню!»

«Черта с два ты до меня когда-нибудь дозвонишься, дура!» – с огромным облегчением подумал Борис Михайлович, упав на четвереньки и судорожно выдергивая из-под дивана рубашку и брюки. Они превратились в пыльный комок – не сказать, что Лола большая аккуратистка. Потом, лежа на животе, наскоро обшарил углы, но второго носка так и не нашел, безжалостно сменяя задники, впихнул ноги в ботинки, осторожно, с оглядкой, выбрался из ненавистой квартиры и с грохотом скатился по лестнице.

Как на крыльях пролетая по двору, он, конечно же, не обратил внимания на стоявшую у подъезда машину. Впрочем, если бы и обратил – тонированные стекла надежно скрыли бы от его глаз и хохочущего Макса на водительском месте, и усталую Леру в прелестной желтой тунике с коричневой драпировкой. Лера сидела, уронив руки и запрокинув голову на спинку кресла, веселья Макса она не разделяла. Отдоховавшись, Макс спросил:

– Домой?

– Да. Только поднимись, проверь, как он дверь захлопнул. Нам отвечать за казенное добро, если что. Макс, почему в тебе не говорит мужская солидарность?

– Да поделом ему, идиоту! Думать надо головой, а не тем

местом, которое у него... – пустился было в пояснения Макс. Но Лера его перебила:

– Все-все, я поняла, вопрос исчерпан. Но ты у нас парень видный, и я на твоём месте не зарекалась бы. Вот женишься...

– ...И буду гулять с умом.

– Умница. Вот один ещё только вопрос в жизни меня интересует – а есть такие, чтоб не гуляли?

– Мужики? Нормальные? Нет. Закон природы, иначе бы давно уже вымерли.

– Ясно, спасибо, успокоил. А то ты недавно спрашивал, чего я замуж не выхожу – теперь понял? Иди давай, проверь, и поедём, у меня уже совсем сил нет.

– Нет, Лер, ты мне тогда тоже скажи – а правду говорят, что женщина может спокойно без секса обходиться сколько угодно?

– Ты меня спрашиваешь? Мне, Макс, секса уже не хочется. Хочется любви – большой и чистой. Но только иногда и только во сне. Иди, а?

Домой Лера добралась только к часу ночи, она жила в противоположном от служебной квартиры конце города. Хорошо, что Сашки нет дома. Он даже маленьким никогда не ложился спать, пока она не придет домой. Если мама задерживалась, засыпал посреди комнаты в обнимку с конструктором. И Лера едва ли не волоком тащила его в кровать, пото-

му что разбудить спящего сына не было никакой возможности, этот подвиг она могла осилить только по утрам и только осознавая, что у нее нет другого выхода. Больше всего на свете Александр Андреевич Хохлов любил есть и спать. Есть он мог когда угодно и что угодно, к ужасу мамы и к огромной радости бабушки, а спать предпочитал по утрам, методично опаздывая сначала в садик, а потом в школу. Даже на экзаменационное сочинение он умудрился проспать, впрочем, как и Лера.

А теперь вот уехал. Вырос и уехал. Хотя для Леры не стало сюрпризом то, что сын решил поступать в Петербургский политехнический, на факультет – Лера произносила с уважением – технической кибернетики. С пяти лет она ежегодно таскала сына в Питер, отпуск для них был – не Турция и не Египет, а Петербург. На море они оба немедленно сгорали и на вторую неделю начинали скучать, а по этому странному городу могли бродить бесконечно. Лера читала Сашке стихи, рассказывала едва ли не про каждый дом на Невском и на набережной Мойки. «Мам, у нас с тобой и с Питером гармоничный любовный треугольник», – сформулировал продвинутый сыночек прошлым летом, а нынче уехал туда поступать.

За Сашку Лера не беспокоилась. При такой безалаберной мамаше, как выражалась бабушка, мальчик просто вынужден был стать самостоятельным. С детства Сашка сам пришивал себе оторванные пуговицы, варил картошку в мундире и жарил яичницу, с умеренным усердием делал домаш-

ние задания. Но последнее – если ему все же удавалось оттащить себя от компьютера. Два года назад Лера, придя с родительского собрания и кипя праведным гневом, выдрала из гнезд все компьютерные провода и положила в свой шкаф. Там они и лежали – она ежедневно проверяла – до тех пор, пока забежавший их навестить Андрей не сообщил гордой своим педагогическим демаршем бывшей жене, что провода эти – от телевизора и к компьютеру не имеют никакого отношения. Допрошенный с пристрастием сын сознался, что провода подменил уже давно и играл на компе в свое удовольствие, благо для мамы все провода одинаковы. В летние каникулы после восьмого класса устроился продавать газеты и на первую в жизни зарплату купил какие-то диски и цветок в горшке для Леры («Зато он не завянет», – пояснил сын свой выбор). А в следующее лето продал газет больше других мальчишек, и редакция подарила ему велосипед, что Сашку очень расстроило – ему нужны были деньги, его первый старенький компьютер уже не соответствовал требованиям времени, но объяснить это маме не было решительно никакой возможности. Она была твердо убеждена, что единственное предназначение компьютера – уводить детей от действительности. Поэтому в обмен на новый компьютер Лера требовала пятерок за четверть и в году, при этом оба прекрасно понимали, что цена эта – нереальная и запредельная. Вместо этого Сашка устроился подрабатывать на автомойку, а в каникулы после десятого класса – еще и в летнее кафе. На

сей раз Лере не перепало даже кактуса – деньги сын трепетно копил. Андрей дрогнул и, не посоветовавшись с Лерой, чего раньше никогда не случалось, купил сыну навороченный компьютер, и здоровенный, на голову выше отца, Сашка скакал по Лериной кровати, оглашая квартиру торжествующими воплями. И уже в зимние каникулы занял первое место на какой-то олимпиаде по информатике, что означало внеконкурсное поступление на любой факультет Уральского политехнического. А накопленные деньги, ни слова не сказав матери, Сашка потратил на дорожные курсы программистов, получил сертификат – и с нынешней весны он уже не просил у Леры денег на карманные расходы. Наоборот, однажды в магазине, где они купили ему ботинки, а потом Лера увидела сапоги, от которых не могла оторваться, сын достал из кармана деньги и молча протянул Лере. Вообще-то не сентиментальная, она едва не расплакалась. Правильно сказал Андрей, сын у них вырос хороший, не в дураков родителей. Интересно, догадывается ли Сашка, чем его дорогая мамочка занимается на самом деле, или по-прежнему верит, что мама трудится в фирме «Агентство нестандартных решений», которая устраивает свадьбы, юбилеи, торжества, промоакции, корпоративные вечеринки и предоставляет друзей напрокат?

«Да, пожалуй, хорошо, что его нет дома, – снова подумала Лера, – а то опять заглядывал бы в глаза, расспрашивал, на-

стойчиво пытался бы накормить подогретой в микроволновке жареной картошкой. А у нее сегодня не было сил на разговоры, и хорошо, что не надо «делать лицо», можно просто забраться в душ и смыть с себя весь этот нервный, тяжелый и непомерно длинный день».

Лера долго-долго стояла под душем, подставляя под сильно бьющие струи бока, спину, плечи, и чувствовала, как уходят репейно-неотвязные мысли о работе. А завтра... Завтра ее ждет чудесный день, неспешный утренний кофе, приятные сборы и поезд в 16.00 местного времени «Свердловск – Санкт-Петербург» (вот парадокс – неуклюжий Екатеринбург так и не прижился в обывательском сознании, оставшись Свердловском), вагон СВ. И полтора дня полного, абсолютного, целенаправленного безделья! Она будет валяться на полке, читать газеты, перебрасываться ничего не значащими фразами с соседом по купе (а если повезет, то она окажется в купе одна, как обычно и бывает). Или будет смотреть в окно, пить чай с особенным, во всех поездах одинаковым, дорожным привкусом. И думать о том, что скоро увидится с Сашкой и проведет десять дней в самом прекрасном на свете городе. Питер был ее мечтой, сказкой, которая никогда не надоедает, фантазией, он завораживал и не отпускал уже много лет. Она встречалась с ним, как с любимым, давно не виденным человеком, испытывая одинаково острый, физически ощутимый восторг и от классического вида на Заячий остров с Дворцовой набережной, и от белочки, которая

клянчит орешки на аллеях дворцового сада в Павловске.

Из ванной Лера вышла совсем другим человеком. От души напилась кофе, который никогда не мешал ей засыпать, и даже съела тост с маслом и малиновым джемом, что на ночь категорически запрещалось уже много лет, с тех самых пор, как абитуриентка с неподходящей фактурой Лера Крылова дала Вячеславу Ивановичу обещание похудеть. Потом подумала – и съела еще один. «И идите все к черту, – убежденно посоветовала она невидимым критикам. – У меня отпуск. Имею право!» Потом, едва переставляя ноги от блаженной усталости, добралась до кровати и мгновенно и сладко уснула под мерный жестяной стук дождевых капель по подоконнику.

И проспала. Когда она, длинно и сладко потягиваясь, соизволила взглянуть на часы, было час с четвертью – знай наших! К черту полетели и запланированный накануне неспешный утренний кофе у телевизора, и приятные продуманные сборы. Как попало пошвыряв в сумку все, что попало под руку, от толстого свитера до купальника, чертыхаясь на зарядивший дождь (а зонтик, конечно же, положен на самое дно сумки), промокшая Лера влетела в вагон за три минуты до отправления.

– Вы последняя, – улыбаясь со всевозможной любезностью, сообщила проверявшая ее документы проводница. – Сейчас отправляемся.

Вагон был переполнен, это Лера поняла, пробираясь на свое пятнадцатое место, так что отдельное купе ей не светило. Пассажиры радостно сустились, рассовывая вещи, махали провожающим. Лериной соседкой по купе оказалась женщина, и это расстроило Леру еще больше. С мужчиной было бы проще, они, как правило, не лезли с разговорами, а неловкости из-за совместного пребывания в ограниченном пространстве Лера давно уже не испытывала. Если случайный спутник ей нравился, она могла легко принять его ухаживания, и пару раз... да-да, пару раз она позволяла себе... Лера улыбнулась – воспоминания ее развеселили. Если же сосед ее не вдохновлял на ответное чувство, она умело изображала такую нервозность и озабоченность, что бедный мужик не знал, как убраться подобру-поздорову, пока вздорная тетка не начала приставать с разговорами. С женщиной почему-то полагалось быть милой, отвечать на вопросы и делиться информацией, «чирикать», как говорила Лера. Если же правилами хорошего тона пренебречь – обид и неприязни не оберешься, проверено.

Предчувствия ее не обманули. Как только Лера, разложив по полкам необходимые мелочи, плюхнулась на диван, чтобы перевести дух, соседка приступила к делу.

– А вы меня не узнаете! – укоризненно покачала она головой.

– Просите, бога ради, у меня такая плохая память на лица, – забормотала Лера. Она постоянно забывала имена, но

лица помнила годами, и эту тетку с креативной завивкой она никогда не видела.

– Вы работаете в фирме «Агентство нестандартных решений», – женщина почти обиделась. – А я в «Эолисе», вы нам проводили трехлетний юбилей, а я тогда победила в конкурсе с шариками и выиграла клоунский нос. Теперь вспомнили? – и посмотрела требовательно.

– Теперь – да! – радостно заверила ее Лера, подумав, что именно красного поролонового клоунского носа и не хватает ее соседке.

– Но я в «Эолисе» больше не работаю, уволилась. По собственному желанию!

С этого места Лера, экономии ради, стала реагировать преимущественно мимикой, и для начала сделала брови домиком, что в переводе означало: «Да что вы? Уволились?! Надо же...», а потом покивала: «Ну конечно же, по собственному, как же иначе!»

– Я познакомилась с чудесными людьми. Алена – психолог, раньше она была искусствоведом, а потом получила второе высшее...

«Молодец!» – изобразила Лера.

– А ее муж, Сергей – бывший замполит. Он с первой женой развелся, кстати, очень некрасиво, она его не отпускала, но с Аленой у них любовь! Сначала они устроили у нее дома собачий питомник, доги и той-терьеры, представляете, такие милые собачки, особенно по контрасту!

Лера старательно нарисовала на лице умиление, хотя в собачьих породах не разбиралась совершенно.

– Я пришла к Алене на прием, у меня были проблемы, на нервной почве нарушен гормональный фон – это я так думала.

«Гормональный фон – это серьезно, это запускать нельзя», – на этот раз Лера покивала, чуть наклонив голову влево для разнообразия, и добавила грусти в глазах.

– И оказалось, что все это полная чушь, и дело вовсе не в гормонах. Сергей тогда как раз закончил курсы и стал колдуном, причем черным, представляете?!

Лера расширила глаза и повернула голову набок, что означало: «Ну надо же – черным, как интересно!»

– Алена и Сергей со мной поработали, и у меня открылся совершенно четкий канал.

– Что открылось? – от неожиданности вслух спросила Лера.

– Канал! Связь с космосом! И теперь у нас, кроме питомника, фирма, «Нить судьбы» называется, слышали, наверное? Диагностика кармы, чистка каналов, гадание, карты Таро, руны. Лечение внушением. Стопроцентный результат. А Сергей может венец безбрачия снять, порчу навести, приворожить – все может! У него единственный в городе тренинг по бизнес-магии! Кстати, про нас по телевизору рассказывали.

«В криминальной хронике», – зло подумала Лера, но веж-

ливо пробормотала:

– Кажется, что-то такое слышала...

– И я стала другим человеком. Вот вы, например, неправильно живете, как и я раньше жила, но не отдаете себе в этом отчета.

– Почему? – спросила Лера, прикидывая, где у нее может оказаться анальгин. Голова начинала разламываться, а анальгин в результате панических сборов мог оказаться где угодно.

– Вот вы вошли в купе и сказали: «Слава богу, едва не опоздала!», а может быть, опоздали бы, и хорошо.

– А что хорошего?

– У каждого свои рельсы. Успел – хорошо, опоздал – значит, не судьба. Вот к нам приходят клиенты, некоторые не верят и уходят сразу же – и хорошо, это не наши люди. Другие возвращаются, если мы что-то не доделали, тоже хорошо, у них, значит, канал...

Соседка неожиданно замолчала. Лера было расслабилась, но потом, поймав ее пристальный и как будто оценивающий взгляд, насторожилась.

– У вас карма вашей бабушки, – сообщила результат экспресс-исследования соседка. – От этого все проблемы.

«У меня нет проблем!» – хотела сказать Лера, но поостереглась. Это надо же было так влипнуть! Самолеты она, видите ли, не любит! Вот и полюбишь теперь.

– ...И карму надо либо отсекать, либо чистить, иначе все

бесполезно. Но если отсекай, то душа бабушки погибнет. Так что будем делать – отсекай? Или чистить?

– Я не знаю... – засомневалась Лера.

– Правильно, это был тест на вашу порядочность! – возликовала соседка. – Будем чистить!

– Я сперва покурю! – Лера вылетела из купе и полчаса провела в тамбуре, где ужасно сквозило и было накурено, а запах чужого дешевого табака Лера не переносила. Но тамбур оказался ей раем, из которого, увы, ее вытеснила компания вновь прибывших курильщиков. Лера встала в коридоре, глядя на мелькающий пейзаж.

– Лерочка, вы идете? Я вас жду! – выглянула из купе соседка и с любопытством огляделась по сторонам. – Идемте! Я уже настроилась.

– А как вы чистите? Ну, карму эту? – попыталась оттянуть момент истины Лера.

– Вот вам последний случай. Очень наглядный! Звонит знакомая, у нее годовалый ребенок. Такой запор – у ребенка, в смысле, – не знают, что делать. Врачи бессильны. И правильно, потому что дело не в желудочно-кишечном тракте.

– А в чем? – вынужденно заполнила Лера образовавшуюся драматическую паузу.

– В матери! Она копит духовное г...но, а на ребенке все отражается! Я подключилась, прямо по телефону, почистила ей канал...

– И проср...ся? – грубо спросила Лера, но ее демарш про-

шел незамеченным.

– Да! – торжествующе откинулась на сиденье соседка. – Я же вам говорила, что внушением можно лечить все, от псориаза до гинекологии!

– Простите, пожалуйста, мне надо в туалет! – Процедуры чистки кармы Лера начала всерьез опасаться.

Но в туалете, даже если это туалет вагона СВ, тоже долго не просидишь. К счастью, когда она вернулась в купе, о чистке было забыто.

– Вы представляете себе, Лерочка, сколько стоит ужин в здешнем ресторане? Ужас! Платить такие деньги просто бессмысленно! У меня все с собой, здесь и покушаем, правда? Вы знаете, Лерочка, мне голос был: бесплатно ничего не делай. Мы же не сами по себе, мы – рупор и не имеем права. Люди этого не понимают. Вот позавчера женщина пришла, говорит – приворожите мне мужа, но у меня только сто восемьдесят рублей. Он неизвестно где шляется, денег на ребенка не дает. Зачем вам такой муж, спрашиваю? А я его сама выгоню, отвечает, представляете, какое несерьезное отношение?! Мы, говорю, за сто восемьдесят рублей, женщина, не привораживаем. Ну, вот...

– Ой, вы знаете, а я, пожалуй, пойду в ресторан, у меня с собой ничего нет, – вклинилась в секундную паузу Лера и, не дожидаясь ответа, выскочила из купе.

Поезд плавно затормозил, мимо окна проплыла вывеска на здании станции – «Кузино». «Два часа дороги», – с ужа-

сом подумала Лера. Всего два часа, а ей уже очень хочется кого-нибудь укусить. Что будет к вечеру? А завтра?! Как она мечтала об этих сладких часах ничегонеделания в поезде! Лера вышла из вагона, они с проводницей оказались вдвоем, поезд стоял всего пять минут, да и народ еще не устал от вагонного сидения, наслаждался отдыхом. Оглянувшись по сторонам – соседка осталась в купе, – Лера заискивающе обратилась к проводнице:

– Скажите, пожалуйста, есть купе, где едет один человек? Я бы договорилась, и переселилась бы...

– Зачем? – удивилась проводница. – Вы же и так с женщиной в купе.

– Мне бы лучше с мужчиной, – виновато улыбаясь, объяснила Лера. – Я отдохнуть хотела, а она говорит все время без умолку.

– Нет мест! – поджав губы, отрезала проводница. – Везде по двое. И вообще, нам запрещено... – но что именно запрещено, уточнять не стала. И, потеряв к Лере остатки уважения, отвернулась.

Лера долго сидела в ресторане, жевала невкусные пельмени, пила чай из пакетика, курила, глядя в окно. Потом курила в тамбуре. Потом стояла в коридоре – соседка задремала, и Лера предпочла не будить лихо. Посидела на откидном стульчике. Еще дважды сходила в тамбур покурить, все сильнее и сильнее жалея себя. Оба раза в тамбуре она столкнулась с мужчиной из первого купе, мимоходом обратив вни-

мание на его дикуую гавайскую рубашу с пальмами и обезьянами, штаны в крупную клетку и оранжевые с черным пляжные тапочки – все вместе просто завораживало! Видимо, по этой причине лица мужчины она не рассмотрела. Они курили молча, так же молча возвращались, и Лера была благодарна ему за молчание.

Проснувшись, соседка зарядила про какой-то сериал, и Лера, удачно задав парочку наводящих вопросов, блаженно растянулась на своей полке. Под монотонное жужжание соседкиного голоса она даже было задремала, но соседка стала спрашивать ее мнение по поводу изложенного, а также за кого, по мнению Леры, следует выдать замуж главную героиню. Ее спас официант из ресторана, бодрым голосом опрашивавший народ на предмет доставки еды. Почти искренне поблагодарив соседку за полученную информацию, Лера немедленно отправилась через три вагона пить кофе.

В ресторане Лера долго ковыряла ложкой пирожное, глотала остывший кофе. От безделья исподтишка наблюдала за соседом в гавайской рубаше, который тоже оказался в ресторане и в знак приветствия кивнул ей, впрочем, вполне безразлично. Это Леру несколько задело – мог добавить хотя бы вежливую улыбочку, она не привыкла, чтобы мужчины воспринимали ее как газету с программой телевидения за прошлую неделю. Но, с другой стороны, у нее и так слишком много впечатлений от общения с малознакомыми людьми, на сегодня хватит. Как говорила дорогая соседка? Заметил

– хорошо, не заметил – еще лучше. Хотя чего хорошего? Просто у нее, надо полагать, такой несчастный и замученный вид, что заинтересоваться ею может только психотерапевт-любитель, практики ради.

«Гавайская рубаша», оплатив счет, отправился восвояси. Лера подумала, что дальше рассиживаться в ресторане уже неприлично, и тоже поднялась. Но в свой вагон не пошла, опасаясь нового нападения. Присела на откидной стульчик в коридоре соседнего вагона, вытащила из пластикового кармашка на стене бесплатную газету «Гудок» и принялась ее изучать с вынужденным интересом. Через несколько минут кто-то остановился рядом с ней. Лера поджала ноги и отклонилась к стене, давая проход, хотя она и так никому не мешала, просто вредничает этот кто-то.

– Простите... – раздался голос у нее над ухом.

Лера подскочила: такого великолепно поставленного голоса она не слышала давно: низкий, звучный, чуть хриловатый. Уж в этом она разбиралась: сколько времени потратила на нее педагог по речи в театралке, пока научила ее не пищать («Деточка, вы говорите так, как будто вас кто-то постоянно держит за горло. Вы говорите головой, грудные резонаторы у вас не работают, а звук должен быть на опоре. Научитесь опираться на диафрагму, и все будет в порядке!») С грехом пополам Лера освоила эту хитрую науку, хотя так и не взяла в толк, как можно опереться на то, чего не видно. Конечно, теперь она могла говорить и низким грудным голо-

сом, и волнующим контральто, и звенеть милым колокольчиком – но каких усилий ей это стоило в свое время! И «говорить головой» ей до сих пор было привычнее и удобнее. У того, кто с ней заговорил, голос был поставлен от природы. Лера подняла глаза – перед ней стоял тот самый, в гавайской рубаше. «Надо же, как не похож на свой голос», – опять удивилась Лера. Владелец редкого голоса был... как бы это сказать... совершенно обыкновенным, из тех, чьи лица стираются из памяти после первой встречи. В отличие от его рубашки с обезьянами и пальмами – где он только выкопал такую красоту?

– Простите, – повторил мужчина. – С вами все в порядке? Я видел, что в ресторане вы пошли следом за мной, но в вагон не вернулись, я подумал – вдруг вам нехорошо...

– Вы совершенно правильно подумали, – кивнула Лера. – Мне нехорошо. Мне даже очень плохо! Моя соседка говорит без перерыва с тех пор, как я зашла в купе. И еще она собирается чистить мне карму, потому что если ее отсекают, то душа моей бабушки погибнет.

– Понятно, – так же буднично кивнул собеседник. – Пойдемте ко мне в купе, я еду один. Всю жизнь летаю самолетами, а тут захотелось отдохнуть, просто полежать с книжкой. Даже сотовый отключил. Так что я вас понимаю. Карму чистить – это такие хлопоты...

Лера взглянула на него подозрительно, но на лице ее благодетеля не было ни тени улыбки. Он смотрел спокойно и

выжидательно. Поскольку голова у Леры по-прежнему болела, анальгин так и не был найден, а спина затекла от сидения на неудобном стульчике, предложение было принято с благодарностью. Она даже не стала произносить дежурных слов насчет «я вам помешаю».

Соседка стояла в коридоре и явно ждала Леру, томясь одиночеством. Мило улыбнувшись, Лера проскользнула мимо нее по коридору.

– Ой, а вы куда? Мы же собирались...

– Добрый день! – новый Лерин знакомый сказал это с такой странной интонацией, что соседка осеклась на полуслове. – Я ее украду, с вашего позволения.

Прежде чем нырнуть в спасительную тишину первого купе, Лера не выдержала и оглянулась: соседка замерла в позе охотничьей собаки, натасканной на дичь, и изнемогала от любопытства.

В купе было прохладно. И тихо. Два часа, оставшихся до Перми, они ехали в блаженном молчании, нарушаемом только шелестом страниц и перестуком колес. Пермь была в час ночи. Лера погуляла на перроне, заглянула в свое окно. Свет не горел, соседка, кажется, спала.

– Спасибо вам большое! Вы меня просто спасли. Она спит. Я пойду.

– Может быть, вы останетесь? Проводница принесет комплект белья, – спокойно предложил Лерин благодетель.

Лера представила себе выражение лица проводницы и

улыбнулась. Конечно, ей глубоко наплевать на мнение проводницы, но предложение было сделано как-то... не по правилам.

– А вдруг к вам кого-нибудь ночью подсадят, нехорошо получится?..

Новый знакомый хотел что-то сказать, но передумал, и только пожал плечами в ответ, и Лера ушла. Она испытывала непонятное чувство: вообще-то по сценарию он должен был настаивать, и она – возможно! – пошла бы на некоторые уступки. А он, видите ли, плечами пожимает. И вообще непонятно, какое она на него произвела впечатление. Такое с ней редко случалось. Странно...

Наутро соседка разбудила Леру в восемь утра (черт возьми!) громким звяканьем ложечки о стакан и шуршанием пакетов.

– Лерочка, доброе утро! А я вот уже завтракаю. Вы, наверное, легли поздно, я вчера и не слышала, как вы пришли...

На вопросительный знак в конце предложения Лера никак не отреагировала. Но соседка не унималась:

– Это ваш знакомый? Очень, очень приятный мужчина. Похож на Ричарда Гира. А вы давно знакомы?

– Вторые сутки! – с вызовом ответила Лера, надеясь переломить общий ход беседы. Но просчиталась.

– Это замечательно... – вдруг пригорюнилась соседка. – Такая удача... Лерочка... вы меня, конечно, извините... А он один в купе едет? Жаль. Вы знаете, у меня ближайшая

жизненная задача – выйти замуж. Для женщины естественно быть одной, вы согласны? Мне необходимо нормализовать гормональный фон и восстановить энергетический баланс. Самовнушение – это все-таки временная мера. Я вот так прямо всем об этом говорю, потому что все сказанное где-то материализуется. Может быть, у вас есть знакомый или родственник?

– Нет. У меня вообще нет родственников, – заверила ее Лера. – Простите, я хотела бы еще поспать. – И она решительно повернулась носом к стене.

К ее великому удивлению, соседка оставила ее в покое, наверное, расстроилась по поводу своего энергетического баланса и отсутствия у Леры родственников. Говорит, канал у нее, а сама без посторонней помощи ничего не может... Невыспавшаяся Лера опять блаженно задремывала под стук колес, и мысли у нее путались. Проснувшись она, судя по всему, ближе к обеду. Осторожно приоткрыла глаза – соседка раскладывала на столе карты, и, когда Лера села, потягиваясь и растирая ладонями лицо, она с необыкновенно серьезным видом приложила палец к губам. Лера обрадованно покивала, пару минут полюбовалась мелькающим за окном пейзажем и, не желая дальше рисковать, отправилась в коридор. Через минуту к ней присоединился ее вчерашний знакомый.

– Вы уже завтракали?

– Нет. Представляете, она молчала! А я спала.

– Рад за вас. Я тоже только что встал. Как вы относитесь

к идее совместить завтрак с обедом – самое время?

В ресторане они не спеша поели, обменявшись несколькими ничего не значащими фразами.

– Вы не обидитесь, если я заплачу по счету? – спросил мужчина.

– Нет, – развеселилась Лера. – А почему я должна обидеться?

– Ну, мало ли, – уклонился от ответа ее спутник. – Бывает. Пойдемте ко мне. Будем молчать.

«Он вообще немногословен, – думала Лера, идя впереди него по длинным вагонным коридорам. – Интересно, если он такой молчун, то зачем он приглашает меня в свое купе? Только из человеколюбия или я ему все-таки нравлюсь?»

Она привыкла без малейших усилий производить приятное впечатление на противоположный пол. Для нее нравиться мужчинам было так же привычно, приятно и необходимо, как душ или чашка кофе по утрам, это было, как говорил незабвенный герой актера Пуговкина, ее «профессьон де фуа», а Лера во всем ценила профессионализм. Но странный пассажир ее озадачил – она не могла его просчитать, и это Леру задевало.

Весь день они провели в тишине и расслабляющем безделье: читали, думали, смотрели в окно, изредка обмениваясь репликами по поводу расписания, сигарет, кофе, душа в штабном (вот странно) вагоне... Что удивительно, молчание не напрягало, они молчали как-то привычно, как будто зна-

ли друг друга сто лет и давным-давно обо всем переговорили, и теперь им было приятно молчать вдвоем. Лера украдкой наблюдала за своим спутником, рассчитывая по внешности, одежде и манере читать, есть, говорить по телефону и прочим мелочам, незаметным для невнимательного глаза, узнать что-то о его характере. Когда-то так их учили в театральном, заставляя наблюдать за окружающими людьми и делать «этюды на характер». Вот тут у Леры всегда была пятерка. Но в данном случае, черт возьми, все ее умения пропадали даром – незнакомец ускользал, не поддаваясь анализу, классификации и обобщению. Ему не подходила никакая профессия, не просматривалась никакая биография. На Ричарда Гира он был совсем не похож. Тот был гламурным, томным красавчиком. Мужчина, сидевший напротив Леры, был внешности самой что ни на есть обыкновенной, роста среднего, волосы подстрижены не длинно и не коротко, а в самый раз, чтобы умело преувеличить их количество. Спокойный внимательный взгляд серых глаз без тени улыбки. Сдержанные, неразмашистые движения, минимум жестов, почти никакой мимики. Вещи тоже не выдавали своего хозяина. Молчаливые свидетельства очков в пятисотдолларовой оправе, сигарет «Данхилл» и навороченной зажигалки опровергались лежавшей поверх газеты с кроссвордами копеечной гелевой ручкой, китайскими пляжными тапками и мятыми турецкими штанами. На плечиках висел оливкового цвета костюм из льна, вполне возможно, что и дорогой, но

тут Лера не особенно разбиралась в фирмах и ценниках. То же самое касалось и часов, поскольку для простого смертного «Ролекс» и «Чайка» с расстояния метра трудноотличимы друг от друга. Словом, этюд на характер на сей раз Лера бездарно провалила.

Ужин они заказали в купе, на этот раз он расплатился, не спрашивая Лериного согласия, опять как-то по-свойски. Когда совсем стемнело, и читать стало затруднительно, а смотреть в окно глупо, Лера поднялась:

– Спасибо вам! Я пойду...

– Скажите, что вас больше обидит: если я попрошу вас остаться или пожелаю вам спокойной ночи? – изучающе глядя на нее, спросил сосед.

Лера секунду помолчала, оценивая новый поворот сюжета, и кивнула:

– Я останусь.

...Под глупой гавайской рубашкой он оказался очень приятным на ощупь, твердым и теплым, от него пахло мылом, водой и едва уловимо – дорогим одеколоном. В кратковременных вспышках пролетающих мимо фонарей Лере показалось, что его тело было загорелым (она очень любила загорелых мужчин, они априори выглядели гораздо сексуальнее своих бледнолицых собратьев), зубы – неестественно белыми, будто фарфоровыми. Очки он так и не снял, и это мешало Лере, потому что, когда она прикасалась к его приятно коловшей ладонь небритой щеке, все время натывалась на мер-

цавшую в темноте дужку оправы. В конце концов она сняла с него очки и, потянувшись, пристроила на столик. Он смешно сощурил глаза, и Лера почувствовала, как от этого уходит ее зажим. Она всегда деревенела за кулисами, но, едва шагнув на сцену, будто сбрасывала, раскалывала ледяной панцирь – и летела свободно. Здесь было то же самое. И роль, которую сегодня Лере пришлось играть так неожиданно, угадывая и импровизируя на ходу, оказалась, что называется, ее ролью.

Угадывать и импровизировать с ним было легко. Лера всегда чувствовала партнера, а он делал все уверенно, без суеты и неловкости, как будто они были любовниками уже давно. Лера просто подчинилась ему, как хорошему партнеру в танцах. Так она на третьем курсе сдавала с Андреем экзамен по танцам. Где прогуляла из-за сына, где проболела, словом, могла и на тройку не натянуть, а педагог был требователен и даже придиричив. «Слушайся меня, – сказал ей тогда Андрей. – Расслабься, почувствуй меня – и все будет как надо». Они тогда сдали на пять, и ее еще ставили в пример – вот, мол, талант не прогуляешь. Чем-то ее новый знакомый был похож на ее бывшего мужа... но способность к анализу быстро улетучилась из Лериной головы. Остались только перестук колес, покачивание вагона, редкие промельки огней и его руки, его дыхание, шепотом произнесенные слова, о которых она постарается не вспоминать утром, но сейчас, ночью, они действовали на нее как наркотик...

Под утро она бессовестно и сладко заснула, совершенно

не интересуясь мнением Валерия на сей счет. Он разбудил ее, когда за окном уже занимался серый рассвет. Лера открыла сонные и непонимающие глаза.

– Знаешь, что мы упустили? – серьезно спросил он.

– Нет, – сразу просыпаясь, насторожилась Лера.

– Я не спросил, как тебя зовут.

– А разве мы перешли на ты? – церемонно, как герцогиня на приеме, осведомилась Лера, садясь на полке (спинка прямая!), и повыше натянула простыню.

– Да. Примерно в два ночи.

– Ну, тогда сохранять инкогнито не имеет смысла. Меня зовут Лера, – дурачась, протянула ему ладошку ковшиком Лера.

– Валерий, – без улыбки ответил он, церемонно пожимая протянутую ладонь. И, реагируя на ее изумление, добавил: – Но в столбняк от этого известия впадать некогда. Через пятнадцать минут будем в Питере.

Лера стремительно оделась, путаясь в джинсах и пуговицах рубашки, кое-как пригладила волосы и бросилась в свое купе, по дороге едва не налетев на лысоватого мужичка, торчавшего в коридоре с сумкой наготове, – вагон сильно качало из стороны в сторону, и они втроем с сумкой едва разминулись. Лерино купе оказалось запертым изнутри. Мимо окна уже проплывали городские многоэтажки. Соседка открыла не сразу, с порога окатив Леру волной презрения и праведного негодования. Поджав губы и не говоря ни слова,

она наблюдала, как Лера лихорадочно рассовывает вещи по карманам сумки и пытается по возможности привести в порядок лицо и прическу. Результат получился неутешительный, что соседку несколько успокоило. А когда Лера заметалась по тесному купе в поисках куда-то запропастившегося мобильного, на лице соседки даже промелькнула удовлетворенная улыбка. На четвереньках исследовав пол и перебрав подушки на своем диване, Лера была вынуждена вновь отправиться в первое купе. Валерий распахнул дверь мгновенно, как будто ее ждал. Он был уже одет, и его прическа пострадала куда меньше Лериной – не могла она не отметить эту досадную несправедливость.

– Я потеряла мобильник, – оглядываясь по сторонам, сообщила Лера. – Там все обшарила. Наверное, он тут, у вас.

– У тебя, – поправил Валерий. – Но я не видел, когда собирался. Позвони с моего, так проще.

Он протянул Лере телефон, она не сразу поняла, как с ним обращаться. Тогда Валерий взял телефон у нее из рук, под диктовку набрал номер, и через пару секунд из-под полки раздалась мелодичная трель. Лера схватила свое сокровище. За окном уже тянулся перрон Ладожского вокзала.

– Спасибо, – глупо сказала она и дернула в сторону дверь купе.

– Пожалуйста, – спокойно ответил Валерий. – Тебя встретят в Питере?

– Да. Сын, – неохотно ответила Лера. Вот уж это его со-

вершенно не касалось. – Ну, я пойду. Пока.

Кончиками пальцев Лера прикоснулась к рукаву его пиджака, чтобы разрядить неловкость момента, но он перехватил ее руку и поцеловал – как-то странно, в ладонь.

– Пока, – согласился Валерий, и Лера ушла. Он подхватил стоявшую на полке сумку и вышел из купе вслед за Лерой. Поезд уже тормозил, он подождал в тамбуре, пока проводница откроет дверь, и вышел из вагона первым, как будто очень спешил.

Но, отойдя немного в сторону, Валерий встал за одну из колонн, на которых держалась крыша перрона, и стал наблюдать за царившей вокруг суетой. Подъезжали носильщики с тележками, водители, промышлявшие частным извозом, предлагали свои услуги, пассажиры радостно выбирались из надоевшего вагона и висли на встречающих. Со своего места он видел, как в дверном проеме появилась Лера, а за ней ее соседка с каменным выражением лица. Но Лера не заметила ни соседки, ни предназначенного лично для нее выражения, потому что как только она ступила на перрон, ее схватил в охапку лохматый парень в безразмерной розовой футболке с надписью «Fuck pink color» и съезжающих с тощей попы штанах с заплатками и металлическими цепями. Лера тут же уронила сумку, и парень уткнулся ей носом в плечо, как ему это удалось – непонятно, потому что он был выше Леры на две головы. Лера теребила его волосы, гладила

по плечу, целовала быстрыми прикосновениями, и Валерий, на которого эта милая семейная сцена произвела почему-то совершенно обратное должному впечатление, отвернулся и без всякой на то необходимости протер очки чистым носовым платком. Когда он закончил эти манипуляции, парень в сползающих штанах уже забросил ремень сумки на плечо и тащил Леру по перрону, что-то громко рассказывая и размахивая свободной рукой, как ветряная мельница.

Вот так. Ее встретил сын. Она приехала к сыну, и мальчишка счастлив безмерно. Он наверняка скучал без нее. Сначала радовался свободе и самостоятельности, а потом начал отчаянно скучать. Сколько ему? Лет шестнадцать-семнадцать, не больше. А ей не дашь больше тридцати. И тело у нее двадцатилетней девочки, гибкое и послушное, с нежной, сияющей даже в темноте кожей... И Валерий Анатольевич, выдавший виды мужик сорока лет от роду, вдруг почувствовал, как от этих воспоминаний у него на пару градусов подскочила температура (в старинных романах в таких случаях писали: «Его бросило в жар»). Это было странно и непривычно. И очень ему не понравилось. Он не мальчик, чтобы приходить в телячий восторг от таких картинок. «Это было просто приключение, не более того, – сказал он себе. – И мне нет никакого дела ни до нее, ни до ее сына».

Если бы Валерий был не так занят мысленным рассматриванием эротических картинок и самовоспитанием, он непременно обратил бы внимание на то, что пассажир из шестого

купе, неприметный мужичок с пузцом и лысинкой, отчего-то тоже, как и он сам, решил не торопиться в город, а топтался за колонной, рылся в сумке, изучал выкопанную из ее недр потертую на сгибах схему петербургского метрополитена. А поехал на машине, отправившись на стоянку такси следом за Валерием и уверенно приказав водителю:

– На улицу Марата!

– Мама, а я уже работу нашел! – подпрыгивал на сиденье такси Сашка. – Позвонил – и сразу берут, если потом прописка будет. Меня Ольга Сергеевна пропишет, она сказала. Зарплата – двести баксов, прикинь! Это если неполный рабочий день, а так потом больше будет. Мам, может, мне на заочку поступить?

– Сашка, мы уже обсудили. Учиться надо нормально. Если придется – на платном, осилим. И почему ты в этих дурацких штанах?! Ты в них собираешься на экзамен? Я про майку вообще молчу.

– Да ладно тебе, – обиделся сын. – Переодеюсь я. Сейчас еще шесть утра, через полчаса дома будем. Ты с Ольгой Сергеевной посидишь, а я сам поеду. Тебя все равно не пустят, там только по экзаменационным листам, я из-за тебя нервничать буду. Ну не ходи, мам, а? – вдруг занял он по-детски.

«Как он будет тут один, – в сотый раз испугалась Лера. – Совсем ребенок». И про Ольгу Сергеевну сказал – дом. Это ее кольнуло.

– Ты что про прописку сказал, Саш?

– А, мам, она одна в двух комнатах остается, Машка за одного кекса замуж вышла, уезжает, прикинь – в Вологду! – захихикал Сашка.

– А что смешного? – не поняла Лера.

– Не знаю, смешно. В Вологде-где-где-где, в Вологде-где...

– Господи, ты-то откуда эту песню знаешь? Она старше тебя в три раза.

– А ее Ольга Сергеевна всю неделю поет. И на кухне, и в ванной. Ходит, теряет все, ищет, и поет. Нервничает.

«Сашка тоже нервничает, – поняла Лера. Так трудно отрываться от себя любимых людей, отпускать их в самостоятельную жизнь, которая будет ли к ним еще благосклонна... Господи, какие старушечьи мысли!»

Ольга Сергеевна жила в старом доме на Лиговке, за Обводным каналом, далеко от метро. Лет, наверное, десять назад, когда в гостиницах не селили таких вот туристов-дикарей, как она, Лера с Андреем через знакомых сняли комнату у Ольги Сергеевны. И с тех пор Лера сначала одна, а потом с сыном приезжала ней как к родственнице, когда раз в год, когда и чаще. Теперь, конечно, у нее были деньги на хороший отель, но она полюбила эту женщину, привыкла к давно не выдавшей ремонта квартире и угрюмому дому в рабочем районе. Когда приезжала Лера, дочь Ольги Сергеевны, Маша, переезжала в комнату к матери, и в ее распоряжении

оказывалась целая комната. Маша, которая была чуть старше Сашки, относилась к нему как сестра, а Лера вела долгие разговоры с Ольгой Сергеевной. Жили они небогато, но когда Лера пыталась им подсунуть лишнюю сотню, неизменно отказывались. Именно Ольга Сергеевна научила Леру, как быстро приводить себя в чувство, когда за окном промозглое холодное осеннее утро, и веки хоть пальцами поднимай, как Вию: надо заварить крепкий чай в горячее молоко, без воды, но обязательно с сахаром. Ольга Сергеевна всю жизнь проработала учительницей в школе, и порой, особенно в ноябре и в феврале, в самые тяжелые месяцы в условиях питерского климата, она приносила в класс чай, молоко – и прямо на уроке отпаивала досыпавших на партах учеников.

От нее Лера узнала еще множество маленьких хитростей, которые помогают выживать обитателям Северной Венеции, особенно тем, у кого нет денег, чтобы восстанавливать силы на южных курортах, или покупать дорогие фрукты. И еще Ольга Сергеевна всегда говорила «мы», когда рассказывала о прежних временах или о том, что произошло в городе за время Лериного отсутствия: «Удивительно, как мы в войну выстояли, непостижимо... Мы сняли леса со Спаса-на-Крови... Мы открыли Михайловский замок... А у нас опять Чижика-пыжика стащили – ну что за люди!» Так говорили только питерцы, они так думали и чувствовали, и в этом не было никакой позы. Лера Ольгу Сергеевну обожала, и если она согласна присматривать за Сашкой, то Лера будет счастлива.

Размышляя об этом, Лера смотрела в окно на мелькавшие дома Лиговского проспекта. Он менялся год от года, исчезали обувные мастерские, булочные-кондитерские и непритязательные пирожковые, на их месте появлялись залы игровых автоматов, салоны красоты, кофейни и магазины с вывесками на английском языке, как будто англоязычные граждане именно на Лиговке что-то потеряли. Лиговка пестрела этими непонятными вывесками, буквы и картинки круглосуточно горели неоновым светом, зазывали и заманивали – суэта уже не помещалась в русле Невского проспекта и выплескивалась из него, подступала к старым домам на Лиговке, затопляя первые этажи серых мрачных построек. Но ближе к Обводному Лиговка успокаивалась, стихала и становилась все больше похожей на себя прежнюю, ту, которую Лера полюбила однажды и навсегда. Туристы сюда заглядывали редко, а в такую рань их и вовсе не было, и Лера с сыном, как все, спешили по делам, им тоже предстоял длинный и хлопотный день.

Вдоволь наохаившись и насуетившись, все второпях позавтракали, и Лера с Сашкой отправились в университет. Ловить такси не стали, опасаясь застрять в пробке, быстрее было добежать до метро. В метро почти все читали, и Лера тоже решила непременно купить себе какую-нибудь книжку в мягкой обложке, чтоб впустую не таращиться по сторонам. Сашка категорически заявил, что дальше метро ее не пустит,

и Лера так и осталась у выхода из «Политехнической», глядя вслед удаляющемуся сыну. Мимо нее спешили абитуриенты, показательно вымытые и прилично одетые по случаю экзаменов, точь-в-точь как ее сын, возбужденные и настороженные, кто за руку с мамой, кто подчеркнуто отдельно – вчерашние школьники, совсем дети. Лера даже позавидовала их счастливым заботам, хотя завидовать всей этой нервотрепке было, конечно же, глупо.

Эх, купить бы квартиру в Питере и жить бы здесь с Сашкой – что может быть лучше! Лера даже знала, где она хотела бы купить квартиру: на окраине, на проспекте Ветеранов. Там было просторно и привольно, девятиэтажки стояли не тесно, между ними то петляла речка, то возникал сосновый лес, то раскидывалась поляна, на которой в июле цвели кустики шиповника, и кто-то зачем-то всегда косил сено, отчего воздух делался совершенно не городским. Над домами летали самолеты – Пулково было недалеко, а нахальные чайки воровали на балконах все, что плохо лежало, потому что до Финского тоже было рукой подать. Иногда Лера приезжала сюда погулять и воображала, как она будет здесь жить. Она вполне могла бы обменять квартиру в Екатеринбурге на неплохое жилье здесь, возможно, и на гараж бы хватило – но жить на что? Такой работы, как дома, в своей фирме «Агентство нестандартных решений», здесь она не найдет. А она уже привыкла хорошо – очень хорошо! – зарабатывать и не запоминать, сколько стоит мясо в навороченном «Купце»,

а сколько – в простеньком «Кировском», и почему на этой неделе черешня, привыкла хорошо одеваться, отдыхать там, где понравится, и собиралась поменять начинавший капризничать «Пежо» на «Ниссан Альмера», и непременно английской сборки. Но в жизни она умела делать только то, чем сейчас занималась, хотя подобрать этому однозначное определение затруднялась. Она была актриса – и все. Не в театр же ей наниматься, в самом деле. «И пошла она с горя в актрисы...» Да и не возьмут еще, правильно Андрей говорил.

Забыв о данном Андрею обещании сидеть в скверике и морально поддерживать сына, Лера вернулась в метро, доехала до «Гостинного Двора», вышла на Невский проспект и отправилась здороваться с Питером – по традиции, это полагалось делать, стоя на Дворцовой набережной и глядя на Неву, Заячий остров и Петропавловскую крепость. Этот вид неизменно вызывал у Леры острое ощущение счастья. Город тоже с ней здоровался и принимал как свою, начинал с ней разговаривать, предлагая каждый раз новые открытия и сюжеты. Потом Лера пошла к Инженерному замку. Это удивительное здание волновало и притягивало ее своей историей. Нет, точнее, биографией – как у человека. Таинственный замок, построенный странным императором, рыцарем Мальтийского ордена, по его повелению окрашенный в красно-кирпичный цвет перчаток его прекрасной дамы (ох, и задала же модница Лопухина хлопот реставраторам!). Замок мечты, спасительная цитадель, ставшая западной. Он мечтал

о нем много лет и прожил здесь ровно сорок дней. Он тоже ходил по этим коридорам, он тоже стоял у этих окон. У них с Марией Федоровной было десять детей, младшие полюбили играть в общей столовой, той, где прошел его последний ужин, — и мать всегда приказывала закладывать подушками большие стеклянные двери выходящего на Летний сад балкона. Двое старших сыновей переехали сюда с женами. Они не помешали его убийству, и ставший императором старший сын, Александр, дорого заплатил за свое невмешательство. Лерино живое воображение рисовало ей захватывающие картины. Какой спектакль можно было бы поставить в этих интерьерах! Идея, конечно, ненова, и Лера сама ходила на спектакль по Мережковскому, который играли в комнате, где был убит Павел. Но получился он холодным, вычурным, скучным. Не так, не так надо ставить! И провести зрителя в зал по этим коридорам должны не тетеньки-билетерши, а лакеи, и чтоб дворцовая суета царила в коридорах, чтобы зрители входили в зал, уже пронизанные предчувствием, уже готовые к тому, что должно случиться... Андрей бы поставил здесь хороший спектакль.

Да, теперь у Андрея был и авторитет, и имя, и неприлично рано полученное звание народного, и заграничные гастроли, и даже «Золотая маска» за поставленный по сказкам Андерсена спектакль, а за его обруганным и не раз осмеянным «театром детской скорби» критики признали право на существование — не все же деткам на утренниках скакать. У Ан-

дря был талант. А вот амбиций не было совершенно. Он бы так и жил в театре, уйдя от Леры, если бы директор не выбила ему общежитие, а потом крошечную однокомнатную. Ему и денег никогда не надо было, он жил бы на свои копейки, если бы семь лет назад Лера буквально за руку не привела бы его в фирму, где сама только начинала работать. Ее создали безработные актеры, которые не могли прокормиться искусством, но больше они ничего делать не умели. А точнее, один предприимчивый господин, Лерин нынешний шеф Василий Васильевич, которого за глаза звали, конечно же, Вась-Васем, что гораздо точнее отражало суть его личности, решил использовать их таланты на благо людям: развлекать сограждан на юбилеях, веселить их деток на днях рождения, не давать гостям падать мордой в салат на свадьбах, поднимать корпоративный дух на вечеринках, напоминать всему городу, что задрипанная компания «Тайстра-Л» широко отметила восемь месяцев со дня основания. Андрей легко писал сценарии, каждый раз разные, придумывал новые ходы, у него было множество оригинальных идей, и неудивительно, что Вась-Вась носился с ним как с писаной торбой, и денежки платил исправно, надо отдать ему должное. А ведь Лере удалось затащить бывшего мужа туда только под предлогом, что сын подрастает, и деньги всегда нужны, хотя на самом деле она никогда не просила у Андрея больше, чем он мог им с Сашкой дать. Сейчас она работала в так называемом «втором отделе» и получала даже больше, чем Андрей. Ее

работу Андрей презирал и по этому поводу периодически ссорился с Вась-Васем, отыскивая разные поводы. Но Лера и Андрей были слишком ценными сотрудниками, чтобы Вась-Вась позволял себе роскошь обижаться.

С Андреем все эти годы они прекрасно ладили, ежедневно общались, Лера часто спрашивала у него совета и обращалась за помощью. Так получилось, что при всем разнообразии постоянных и временных знакомых ближе Андрея у нее никого не было. Знавшие об их отношениях часто удивлялись – почему они развелись, ведь многие всю жизнь живущие под одной крышей супруги ладят куда хуже. Лера про себя понимала так: это был детский брак, после которого двенадцатилетние дети, как-то случайно ставшие родителями, стали развиваться в разных направлениях. И выросли совершенно разными людьми. Лера к театру была вполне равнодушна, взяв от него лишь то, что ей было необходимо. Андрей служил театру истово и верно, как черный монах, у которого, как известно, нет и не может быть семьи. И у нее нет. А теперь вот и Сашка уехал.

Стало жарко, и от Инженерного замка через Летний сад и Троицкий мост Лера отправилась на пляж возле Петропавловки. Оказавшись возле воды, она с наслаждением сбросила туфли, закатала до колен джинсы, «легким движением руки» превратила блузку в топик – и улеглась прямо на песок, подставив пузо и лицо солнышку, нисколько не заботясь о том, что может облезть нос. У нее отпуск! Позвонил счастливый

Сашка и проорал в трубку, что он «все решил» и наверняка сдал математику на четыре, чего от себя никак не ожидал, но обедать с ней он не пойдет, а поедет на работу, раз уж пришлось с утра прилично одеться. Нет, он будет работать, он не хочет, чтобы она платила за квартиру и давала ему деньги, потому что он уже взрослый мужик. Так и сказал ее шестнадцатилетний сын, который вырос, уехал из дома и намерен жить самостоятельно. Но об этом Лера решила не думать, просто закрыла глаза и задремала на солнышке.

На другой день Сашка с утра умчался на работу. А Лера отправилась реализовывать один из пунктов обязательной программы: следовало пойти на Сенную площадь, там на рынке купить малины и слопать ее на ближайшей лавочке, пачкаясь и облизывая пальцы – красота! Этой традиции было уже семнадцать лет, на полгода больше, чем Сашке. Когда Лера была беременна, они с Андреем отправились в свадебное путешествие в Питер, тогда еще бывший Ленинградом, экономии ради поселившись у Ольги Сергеевны. Денег у них было кот наплакал, поэтому они даже по музеям не ходили, а шатались по улицам – тогда Лера и влюбилась раз и навсегда в этот город. Однажды, разыскивая знаменитые Пять углов, они вместо этого забрели на Сенную площадь и на рынке купили двухлитровую банку садовой малины. Дело было под вечер, мужичку продавать малину надоело, и он отдал ее за копейки – всю, что оставалась. Лера с Андреем тут же купи-

ли теплого еще хлеба, уселись на лавочке и, отломив по восхитительно пахнувшей горбушке, заедали хлеб темно-красной, сладкой, брызгавшей соком ягодой, торопясь и давясь, наперегонки. Что на них тогда нашло? Наверное, голодные были. Им было хорошо, вкусно и ужасно весело! А ночью зеленой и едва доползающей до туалета, обьевшейся малиной Лере дважды вызывали «Скорую», и ее хором ругали врач и Ольга Сергеевна. Но это забылось. Она помнила только, что было лето, июль, они с Андреем сидели на лавочке и, хохоча и пачкаясь, наперегонки ели малину. И в ее жизни было немного воспоминаний приятнее этого. С тех пор, если она оказывалась в Питере летом, подгадывая «к малине», то обязательно ходила на этот рынок и покупала малину. Теперь, правда, не банку, а стакан.

Соблюдать традиции с каждым годом становилось все сложнее. Рынок рос и благоустраивался, теперь на нем торговали преимущественно горячие восточные мужчины, а бабушек понемногу выжили, и они устраивались где попало. Скамеек тоже след простыл, на площади теснились палатки и летние кафе сомнительного вида, и Лера, покрутившись со своим стаканчиком, уже исключительно из вредности уселась за один из столиков, заказала мороженое, которое вообще-то терпеть не могла, и принялась есть малину. Шум и суета вокруг, запахи дешевой еды ее раздражали, и она, вздохнув, подумала, что на будущий год она, пожалуй, сюда уже не придет. Что ж, все хорошее когда-нибудь кончается...

Лера как раз доедала последние ягоды, прикидывая, где можно помыть руки из припасенной заранее бутылки, как зазвонил телефон. Чертыхаясь, липкими руками она принялась шарить в своей немаленькой сумке, куда помещались и свитер, и зонтик, и куча прочих необходимых вещей. Телефон, конечно, оказался на самом дне, но продолжал звонить, пока Лера проводила изыскательские работы. Номер высветился незнакомый – наверняка ошиблись, стоило суетиться. Но голос в трубке она узнала мгновенно – Валерий.

– Лера, вы можете говорить?

«Напомнить ему, что мы уже три дня как на ты, или сначала выяснить, к чему все это», – секунду поколебалась Лера и на всякий случай ответила осторожно:

– Могу. Только у меня руки липучие, я малину ем.

– Что? – удивился собеседник.

– Ну, малину. Ягода такая. Красная, – терпеливо пояснила Лера. – А что?

– Ты где малину ешь?

– На Сенной... Кафе на улице, прямо возле метро.

– Я сейчас приеду. Можно?

– Запросто! – разрешила Лера. – Только на малину не рассчитывай. Она не собиралась делиться их с Хохловым традицией с посторонним человеком.

Лера сидела за столиком, увлеченно развозя ложкой по стенкам вазочки растаявшее мороженое, чтобы хоть чем-то

заняться, и Валерия увидела лишь тогда, когда он подошел к ней вплотную и спросил над ухом:

– Уже все съела?

– Я же зайкой сделаюсь! – подскочила Лера. – Ты как так быстро? Ты сидел в кустах, как рояль?

– У меня личный вертолет, – кратко пояснил Валерий. – Руки вымыла?

Лера, как маленькая, протянула ему руки ладонями вверх – и он опять, как тогда в поезде, перехватил их и поцеловал в ладонь – сначала одну, потом другую. Уселся на лавочку рядом с Лерой и понюхал ее щеку где-то возле уха.

– Малиной пахнет, – смешно покрутив носом, констатировал он, и Лера почувствовала, как от этого движения уходит ее скованность. Оказывается, она тоже рада его видеть.

– А откуда у тебя мой номер?

– Сохранил в памяти, когда ты себе звонила, – охотно пояснил Валерий. – Я тебе его нарочно тогда дал, чтоб не нить «девушка, дайте телефончик».

– Может, ты и мобильник мой нарочно засунул в дальний угол?! – догадалась Лера.

– Нарочно, пока ты спала, – покался Валерий. – Ты ведь номер телефона не дала бы?

– Не дала бы, – согласилась Лера и посмотрела ему в глаза – опять ни тени улыбки. – Я не понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно.

– Я всегда говорю серьезно, – заверил ее Валерий. – Даже

когда шучу. Я вообще очень серьезный и положительный. И должен тебе понравиться.

– Ах, еще и понравиться? Это-то тебе зачем? – приняла подачу Лера.

Но он ее опять переиграл, сменив интонацию:

– Потому что мне очень это надо. Оказывается, я хочу с тобой не только переспать, но и поговорить – ты понимаешь, что это значит?!

– Тогда это серьезное чувство. И может далеко зайти. Ладно, я согласна, давай поговорим, раз в поезде молчали. Тем более что мне в одиночестве всякие мысли в голову лезут.

– Расскажешь? Две головы лучше, мысли будут вынуждены делиться, и с ними проще справиться.

– Я вчера поняла, что мне тридцать шесть лет, и что мой сын вырос. И что мне надо как-то привыкать жить без него. А сперва я даже радовалась, что он уехал в Питер поступать, потому как – свобода. Как говорится, не так с вами хорошо, как без вас плохо... Ты что? – вдруг заметила Лера выражение его глаз, сменившее обычную спокойную серьезность. – Я что-то не то сказала?

– Нет, все в порядке. Просто... Я тебе потом как-нибудь расскажу, – и вернулась привычная нейтрально-незаинтересованная маска.

– Вот, сначала поговорим, а теперь – потом расскажу. Нет, давай все равно что-нибудь рассказывай, чтоб на паритетных началах. Например, почему ты меня в поезде пожалел, при-

ют и обогрел? Из человеколюбия или имел далеко идущие корыстные планы?

– Конечно, планы имел. Корыстные. Ты слишком хороша для простого человеколюбия.

– Доброе слово и кошке приятно. Кстати, кошек ненавижу! Я красивая? Или обаятельная? Или ты любишь рыжих?

– Ты... неактивная, – не сразу подобрал определение Валерий. – Ты на меня не обращала внимания, хотя я все время попадался тебе на глаза. Ты как-то сквозь меня смотрела. Это меня заинтересовало – на синий чулок ты не похожа...

– Спасибо, – вставила Лера.

– ...И никакого кокетства. А сейчас женщины флиртуют так агрессивно, что приходится уходить в глухую оборону, иначе сметут. У меня недавно друг развелся, как узнали дамы в конторе – страшное дело! Все журналы ваши: возьми его, выбрось его, заведи другого...

– Почитываешь? – удивилась Лера.

– Да нет, обложек хватает. А ты целый день молчала, даже как меня зовут, не спросила. Вообще ничего не спросила. Я сразу понял – уникальная женщина.

– Я активная, – созналась Лера. – К сожалению, ты даже не представляешь себе, какая я активная и эмансипированная, как я умею вот так взять мужчину и – ам! Но сейчас мне лень. Я в отпуске. Я отдыхаю.

– И что у тебя за работа такая, что устала мужчинами питаться? – поддержал беседу Валерий.

– Любоедом на полставки в одной солидной фирме. Не боишься?

– А надо? Я невкусный.

– Нет, ты даже очень ничего.

– Я рад, что тебе нравлюсь.

– Ты здесь по делам? – предпочла Лера сменить тему.

– У меня здесь дед живет. Я к нему приехал.

– Ты из Питера?!

– Нет, я родился в Москве и жил там до армии. И дед с бабушкой в Москве жили. Она – москвичка, он – ленинградец, и все уговаривал ее переехать. Пятьдесят семь лет вместе прожили, и пятьдесят семь лет он ее уговаривал.

– И как? – искренне заинтересовалась Лера. – Уговорил?

– Нет. Бабушка умерла, и он переехал. Уже третий год здесь живет. А там бы он умер один.

– А сколько ему лет?

– Восемьдесят шесть.

– Ого!

– Он у меня молодец.

– Ты его любишь... – улыбнулась Лера.

– Он меня вырастил. Он и бабушка.

Возникла пауза, как будто Валерий ждал еще вопроса, но Лера опять предпочла не углубляться. Они еще слишком мало знакомы, чтобы выкладывать друг другу подробности своей биографии. К тому же Лера понимала, что если она проявит излишнее любопытство, то долг вежливости заставит

ее рассказывать о себе – а этого ей не хотелось. И она поинтересовалась:

– Ты часто в Питере бываешь?

– Будешь смеяться, но, можно сказать, впервые. В детстве ездил с дедом. А так... работа, дела. А ты?

– Я?! Последние лет десять – каждое лето. Иногда два раза в год. Здесь лучше, чем в Париже, лучше, чем в Праге... больше я нигде не была. Считай, что тебе крупно повезло. Раз уж мы с тобой решили прогуляться по городу, я покажу тебе свой Питер. Согласен?

Валерий кивнул. Лера выбралась из-за столика и зачастила монотонным голосом плохого экскурсовода:

– Мы находимся на Сенной площади, архитектурный облик которой начал складываться в середине восемнадцатого века. Все три столетия здесь существовал рынок, поэтому площадь называли Базарной, а также – в художественной литературе – «чревом Петербурга». Первое упоминание о ней относится к 1730 году, когда здесь, «пожарного страха ради», вырубили редкий лес и отвели место для торговли сеном, соломой и дровами. А в 1756 году по проекту архитекторов Растрелли и Квасцова здесь была выстроена церковь Успения Пресвятой Богородицы, или, как ее в народе называли, Сенной Спас...

Лера могла бы тараторить бесконечно, но, заметив, как изумленно смотрит на нее Валерий, достигнутым результатом вполне удовлетворилась, текст роли скомкала и понесла

отсебятину:

– В общем, ее построил один купец, Савва Яковлев. Он так гордился своей церковью, что в огромный колокол позволял звонить только тогда, когда ему этого захочется, язык колокола прикрепляли огромной цепью, вешали замок, а ключ Савва носил с собой. Представляешь?

– Откуда ты все это знаешь?

– Я же тебе говорю: каждый год сюда езжу. Сашке все рассказывала, специально книжки покупала и дома готовилась. Потом друзьям рассказывала, кто с нами ездил. На мне можно сэкономить, я денег за экскурсионное обслуживание не беру. Дальше рассказывать?

И Лера рассказала Валерию все, что знала о Сенной. Потом они по Садовой вышли на Гороховую. Лера, получая искреннее удовольствие от прогулки и от того, как внимательно и заинтересованно слушает ее спутник, рассказывала ему едва ли не про каждый дом на Гороховой, увлекаясь и увлекая его. Потом они сидели в скверике у Адмиралтейства, любовались фонтаном и корабликом на шпиле, и Лера уверяла, что вон тот дуб – смотри, какой толстый! – наверняка видел Пушкина. Но Валерий смотрел не на дуб и не на кораблик, а на Леру, и не мог оторваться. Потом они поужинали в первом попавшемся ресторанчике и еще нашли силы доползти до Дворцовой площади. Лера молчала, привычно замороженная почти идеальной красотой и берущей в плен гармонией этого места, и никакие пояснения были здесь не

нужны.

– Мне понравился твой Питер, – серьезно сказал Валерий, прощаясь с Лерой возле дома на Лиговке, куда их лихо доставил таксист на старенькой скрипевшей «Волге». – А завтра? Или у тебя другие планы?

– Завтра у меня по плану Павловск, – деловито ответила Лера. – Не стесняйтесь, барон, присоединяйтесь! – она расхохоталась своей простенькой шутке, потому что у нее было отличное настроение. Она всегда знала, как это здорово – гулять по любимому городу и делиться своим счастьем с другим человеком. – Давай встретимся у Александровской колонны, где сегодня были. Я тебе еще расскажу, и с атлантами я не поздоровалась сегодня. Они могут обидеться. А потом поедем в Павловск.

– Давай я возьму такси и за тобой заеду, – предложил Валерий. – А то я без тебя заблужусь.

– Нет, – твердо отказалась Лера. У нее вдруг возникла одна идея, которую, по старой памяти, ей непременно захотелось воплотить в жизнь, давно она не развлекалась просто так, не по работе. – У колонны, в одиннадцать. Мне все равно с утра надо в эти края, – соврала она на всякий случай.

Вечером, лежа в кровати, она долго шепотом разговаривала с Сашкой, спрашивая и рассказывая, и заглядывавшая в щели между шторами белая ночь не давала им уснуть. Потом Сашка перестал отвечать и засопел. Лера хотела подумать о Валерии, все же было что-то странное в этом знакомстве, и

в нем самом... но мысли стали путаться, и она тоже уснула.

Валерий слонялся у колонны уже добрых полчаса. Лера не опаздывала, просто он, почему-то волнуясь – ну надо же! – перед назначенным свиданием, решил приехать с запасом. Цветы, поколебавшись, все же не купил – как-то не подходил этот пошловатый романтический тон к женщине, с которой он провел вчерашний день... и еще ночь... От мысли о случайной ночи в поезде у него вдруг пробежали мурашки по спине и как-то смешно перехватило дыхание – оказывается, он не забыл ни одной детали, помнил ее руки и губы, и тень от сомкнутых ресниц, и матово-белую кожу во вспышках мелькавшего света... У нее были густые непослушные волосы, и он в них все время запутывался, убирая рыжие пряди от ее лица. И руки, легкие и дерзкие, нежные прикосновения которых сводили его с ума... И никакой неловкости, она была как будто своя, давно знакомая, как будто они уже давно обо всем договорились, и это его тоже настораживало. «Мальчик впал в экстаз от маленького приключения», – пробормотал про себя Валерий, но это не помогло. Маленькое приключение, которых в его жизни было видимо-невидимо, чем-то его зацепило и не хотело отпускать. Так было впервые. Впрочем, и такая женщина, как Лера, раньше ему не встречалась. Он привык, что нравится женщинам, что его хотят и не скрывают этого, а сексом награждают за «хорошее поведение», и поэтому секс надо заслужить. Или купить,

что, откровенно говоря, было предпочтительнее – меньше обязательств и мороки. Но Лера как-то не вписывалась в эти рамки. Она даже не кокетничала с ним. Как она тогда сказала: «Я останусь...» А утром ушла. «В тебе проснулся инстинкт охотника, – объяснил сам себе Валерий. – Раз убегают – надо догонять. А надо ли? Черт его знает, что ему надо. И еще этот мальчишка, ее сын, в отвязной розовой футболке и спадающих штанах, Сашка, кажется, – как он повис на ней на перроне Ладожского вокзала! Соскучился...» Валерий потрянул головой, прогоняя ненужные мысли... и замер, составив чудный ансамбль с бессмертным творением скульптора Огюста Монферрана, возле которого он уже полчаса нарезал круги – он увидел Леру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.